

Ассоциация Исследователей Российского Общества XX века
Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»

М.И. Мельтюхов

КАНУН
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ:
ДИСКУССИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 1999 г. издание трудов российских авторов в серии
«АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»
поддерживается “Maison des Sciences de L’Homme” (Paris)

Москва
«АИРО-XX»
1999

Международный совет издательских программ АИРО-XX

Г.А. Бордюгов	главный редактор
А.И. Ушаков	исполнительный директор
С.А. Александров	зам. исполнительного директора
К. Аймермахер	Рурский университет
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
В. П. Булдаков	Институт российской истории РАН
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский университет
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В.А. Невежин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
О.В. Хлевнюк	“Свободная мысль”
Я. Хоулетт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
А.Г. Макаров	Москва
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

Доклад публикуется благодаря поддержке
“Maison des Sciences de L’Homme” (Paris)

Мельтюхов М.И. **Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается.** Серия “АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века”. – М.: АИРО-XX, 1999. – 68 с.

ISBN 5-88735-052-0

ISBN 5-88735-052-0

© Мельтюхов М.И., 1999.

© “АИРО-XX”, 1999.

ВОЙНА, КОТОРАЯ НЕ СОСТОЯЛАСЬ. ПЛАНЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА в 1940–1941 гг.

Великий знаток человеческой души Оноре де Бальзак утверждал, что “существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий”. Эта своего рода аксиома может быть применена практически к любому периоду человеческой истории, особенно когда речь заходит о нереализованных намерениях власть предержащих. Стремясь к воссозданию исторического процесса в полном объёме, историческая наука должна учитывать и эти несостоявшиеся расчёты и намерения. Не является исключением и Вторая мировая война, которая была одним из важнейших событий XX века, определившим и до сих пор во многом определяющим развитие мировой истории. Несмотря на большое количество исследований событий 1939–1945 гг., до сих пор остаётся немало слабо изученных тем и дискуссионных вопросов. Как правило, в историографии Второй мировой войны преобладает концепция противоборства демократии и фашизма, основой для которой послужила пропаганда стран антифашистской коалиции в годы войны и которая была закреплена в исторической науке сразу после неё. Однако по мере накопления и обобщения всё большего массива документального материала в историографии возникла тенденция к уточнению этой концепции или даже отказу от неё. Однако официальная историография оказалась не готовой к восприятию этой тенденции и постепенно сформировалось так называемое “ревизионистское” направление, которое в целом стремится дать менее идеологизированную картину событий 1939–1945 гг. При всей неоднозначности некоторых работ “ревизионистов”, нельзя не отметить, что соперничество двух направлений историографии способствует более объективному изучению всемирной истории.

Вышеотмеченная ситуация сложилась в западной историографии в 50–70-е годы, тогда как в отечественной историографии неофициальные оценки стали открыто высказываться лишь в конце 80-х годов. Однако острая идеологическая борьба, характерная для

того периода, наложила заметный отпечаток на развитие и так традиционно политизированной отечественной исторической науки. В этих условиях любые новые взгляды становились скорее фактом политической борьбы, нежели историографии. В результате значительная часть идей, сформулированных в конце 80-х годов, была не менее бездоказательной, чем те “устоявшиеся” взгляды, на пересмотр которых они были направлены. Процесс переоценки истории СССР не мог не затронуть и историю Великой Отечественной войны, особенно её начало и предысторию. Конечно, в центре внимания общественности оказалась основная проблема начала войны – причины трагедии 1941 г., решение которой потребует ещё длительных усилий нескольких поколений исследователей. Однако ход развернувшихся дискуссий показал, что далеко не все их участники хорошо знакомы с фактической стороной обсуждаемых проблем, а главное в значительной степени связаны тем традиционным идеологическим видением этих вопросов, которое навязывалось официальной идеологией. Поскольку в советской историографии практически отсутствовала традиция идейной самостоятельности, не говоря уже о том, что многие просто не могли воспринять слишком нетрадиционные суждения, эти дискуссии довольно быстро оказались в заколдованном кругу обсуждения вопроса о “сталинских ошибках” и в значительной степени утратили свою остроту.

Правда, сами дискуссии способствовали введению в научный оборот многих ранее неизвестных фактов и документов, но, к сожалению, далеко не всегда уделялось должное внимание обобщению этих материалов. Этот процесс в основном развивался в исследованиях внешней политики СССР 1939–1941 гг. на основе заимствования ряда характерных для западной историографии концепций этого периода. И хотя эти исследования, как правило, не использовали значительный массив источников, не связанных напрямую с внешнеполитической деятельностью СССР, их появление стало первым шагом на пути к пересмотру официальной концепции кануна Великой Отечественной войны. Уже в 1991 г. А.Г. Донгаров высказал предположение, что “за событиями первого плана осени 1939 – лета 1941 гг., как будто бы указывающими на активную подготовку к отражению возможной германской агрессии, стояли какие-то сокровенные цели и расчёты Кремля, в которых вариант нападения Германии на СССР просто не предусматривался” (1). Определённая переоценка военно-исторических проблем кануна войны была предложена в работах Б.Н. Петрова и В.Н. Киселева (2), опубликованных в 1991–1992 гг., которые, однако, не получили должного отклика в научных кругах.

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией в России книг В. Суворова (3). Хотя эти работы написаны в жанре исторической публицистики и представляют из себя некий “слоёный пирог”, когда правда мешается с полуправдой и ложью, они довольно чётко очертили круг наименее разработанных в историографии проблем. За прошедшие годы дискуссия вокруг них распалась на несколько направлений. Одни авторы просто отвергают версию Суворова. Другие отвергают её, ссылаясь на целый ряд ошибок и неточностей автора, не имеющих, правда, принципиального значения. Третьи, учитывая спорные и слабые положения этих книг, привлекают для анализа авторской версии новые документальные материалы, которые подтверждают необходимость дальнейшей разработки этих тем (4). Как ни странно, в ходе дискуссии проявилось стремление ряда зарубежных историков, довольно посредственно знакомых с обсуждаемой проблематикой и советскими архивными материалами, выступить в роли менторов российской исторической науки.

Как бы то ни было, развернувшаяся дискуссия привела к выявлению новых архивных документов по истории СССР 1939–1941 гг., свидетельствующих, что советское руководство, конечно же, имело собственный взгляд на политическую ситуацию того периода и пыталось использовать её в своих интересах. Появившиеся материалы и исследования показали, что традиционная официальная версия об исключительно оборонительных намерениях СССР становится всё менее обоснованной. Естественно, новый виток дискуссии не избежал определённой политизации, что было связано прежде всего с поддержкой Суворовым старой версии германской пропаганды о превентивной войне Германии против СССР и возложением на советское руководство вины за развязывание Второй мировой войны. Несостоятельность этих тезисов уже была неоднократно показана в литературе (5), но сторонники традиционной версии продолжают ссылаться на них, обосновывая этим отказ от рассмотрения варианта советских наступательных приготовлений. Более того, по традиции в развернувшейся полемике продолжается использование ненаучных аргументов. Вместо того, чтобы представить аргументированную неизвестными ранее документами и тщательными исследованиями точку зрения на обсуждаемые проблемы, некоторые защитники традиционной версии объявляют идущую дискуссия проявлением “антинаучной тенденции” и призывают “не давать возможности” оппонентам публиковать свои исследования (6). Это подтверждает мнение Т. Манна, что “мы чаще злимся и возмущаемся, противодействуя какой-то идее, когда сами не слыш-

ком уверены в собственной позиции и внутренне готовы принять противоположную сторону”.

Как правило, сторонники традиционной версии предпочитают вести полемику именно вокруг концепции В. Суворова, что довольно странно, так как в полном виде её не поддерживает, пожалуй, никто из серьёзных исследователей. В результате создается впечатление, что эти проблемы можно рассматривать только с позиций автора “Ледокола” или с точки зрения традиционной версии. Однако это не так, и ставшие доступными документальные материалы и исследования последних лет позволяют предложить и другие концептуальные подходы к обсуждаемой проблеме. Тем не менее, защитники официальной версии не останавливаются перед прямой фальсификацией, лишь бы избежать обсуждения проблем 1941 года на основе доступных ныне советских документов и новейшей отечественной историографии. Так, например, поступило руководство Ассоциации историков Второй мировой войны, когда посвященный этим проблемам доклад, обсуждавшийся на заседании 30 декабря 1997 г., был при публикации изложен таким образом, чтобы из него было удалено всё, что не соответствует взглядам В. Суворова. Это, видимо, должно было придать большую убедительность опровержениям оппонентов (6а).

Ныне ведущаяся дискуссия оказалась в ситуации, когда процесс введения в научный оборот новых документов необходимо дополнить их комплексным осмыслением, что требует формулирования новых концепций участия Советского Союза в событиях 1939–1941 гг. Это позволит прежде всего подвести некоторые итоги дискуссии и сделать ещё один шаг в сторону более объективной картины истории нашей страны в период Второй мировой войны. Для выполнения этой задачи следует на широком историческом фоне проанализировать внешнеполитическую деятельность советского руководства в межвоенное двадцатилетие и в 1939–1941 гг., его взгляды на события европейской войны, военные приготовления СССР и содержание советской пропаганды. Только подобное комплексное исследование позволит показать, насколько обоснован пересмотр традиционной версии отечественной историографии и дать толчок дальнейшему изучению этих проблем. Поскольку появление такого исследования дело будущего, ниже будет кратко изложены основные положения альтернативной концепции кануна Великой Отечественной войны и подробно рассмотрен с опорой на доступные сегодня документы один, но, по нашему мнению, ключевой вопрос о советском военном планировании 1940–1941 гг.

Рассматривая ситуацию в мире в 20–40-х гг. в рамках историко-политологического анализа развития систем международных

отношений, невозможно не заметить, что в годы революции и гражданской войны Советский Союз утратил завоёванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое. Не случайно советское руководство взяло на вооружение концепцию “мировой революции”, совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики страны стало глобальное переустройство Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников.

В 20-е гг. Советскому Союзу удалось добиться дипломатического признания, но попытки усилить свои позиции в Европе и на Дальнем Востоке не дали заметных результатов. Кроме того, события конца 20-х гг. высветили целый ряд внутренних проблем СССР, ограничивавших внешнеполитическую активность страны. Поэтому период мирового экономического кризиса был удачно использован советским руководством для начала радикальной экономической модернизации с опорой на новейшие технологические достижения Запада.

В 30-е гг. международная ситуация существенно изменилась в связи с началом открытой борьбы за пересмотр Версальско-Вашингтонской системы между ведущими “капиталистическими” державами. Сделав ставку на неизбежность возникновения нового межимпериалистического конфликта, СССР стремился недопустить консолидации остальных великих держав, справедливо воспринимая это как главную угрозу своим интересам. Советское руководство умело использовало официальные дипломатические каналы, нелегальные возможности Коминтерна, социальную пропаганду, пацифистские идеи, антифашизм, помощь некоторым жертвам агрессоров для создания имиджа главного борца за мир и социальный прогресс. Борьба за “коллективную безопасность” стала внешнеполитической тактикой Москвы, направленной на усиление веса СССР в международных делах и недопущения консолидации остальных великих держав без своего участия. Однако события 1938 г. наглядно показали, что СССР не только всё ещё далек от того, чтобы стать равноправным субъектом европейской политики, но и продолжает рассматриваться европейскими великими державами как объект их политики. В этих условиях только новое обострение кризиса в Европе позволяло СССР вернуться в большую политику в качестве признанной великой державы.

В ходе политического кризиса 1939 г. в Европе сложилось два военно-политических блока: англо-французский и германо-итальянский, каждый из которых был заинтересован в соглашении с СССР. Со своей стороны, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях ей договариваться и максимально её использовала, балансируя между различными военно-политическими блоками. Международные отношения весны–лета 1939 г. в Европе представляли собой запутанный клубок дипломатической деятельности великих держав, каждая из которых стремилась к достижению собственных целей. События параллельно развивались по нескольким направлениям: шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры; происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Москва в своих расчётах исходила из того, что возникновение войны в Европе как при участии СССР в одной из противостоящих группировок, так и при сохранении им нейтралитета открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с одной из них делал бы Москву равноправным партнёром со всеми вытекающими из этого последствиями. А сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Исходя из подобных расчётов был определён советский внешнеполитический курс.

Ход англо-франко-советских переговоров показал, что Англия и Франция не готовы к равноправному партнерству с СССР. В этих условиях предложения Германии оказались более привлекательными, и 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, ставший значительной удачей советской дипломатии. СССР удалось остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах, и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. В 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне. В этих условиях пакт о ненападении обеспечил не только интересы Советского Союза, но и тыл Германии, облегчив ей войну в Европе.

Начало европейской войны позволило СССР приступить к ревизии своих западных границ, навязанных ему в 1920–1922 гг. 17 сентября 1939 г. Красная Армия вторглась в Польшу, что означало

фактическое вступление СССР во Вторую мировую войну в качестве самостоятельной военно-политической силы, пока более лояльной в отношении Германии. Советское военно-политическое проникновение в Прибалтийские государства, прошло два этапа. На первом из них этим странам были навязаны договоры о взаимопомощи и советские военные базы, а на втором – летом 1940 г. – Прибалтика была оккупирована и аннексирована СССР. Военно-дипломатические успехи Москвы по установлению советского контроля над сферой интересов в Восточной Европе оказались прерванными Финляндией, которая ценой войны с СССР в условиях угрозы вмешательства Англии и Франции сумела сохранить независимость, хотя и уступила некоторые территории. Во второй половине июня 1940 г. была довольно быстро решена Бессарабская проблема. Таким образом, к середине 1940 г. Советский Союз в результате Польской, Финской, Прибалтийской и Бессарабской кампаний смог оккупировать и аннексировать большую часть территории Восточной Европы, которая была отнесена к его сфере интересов согласно советско-германским договоренностям 1939 г. Теперь на повестку дня вставали новые задачи.

Советско-германские отношения в 1939–1941 гг. развивались довольно неоднозначно. В них было и военно-экономическое сотрудничество, при котором стороны твёрдо отстаивали свои интересы, но всё же находили компромисс. Случались и затяжные споры по целому ряду проблем. Конечно, ни одна из сторон не забывала о вероятности военного столкновения между ними и внимательно следила за действиями партнёра-соперника. Взаимная подозрительность сторон явно стала нарастать с лета 1940 г., когда после разгрома Франции Германия стала гегемоном Западной Европы и освободилась от сухопутного фронта, хотя продолжение войны с Англией сковывало её военно-морские и военно-воздушные силы.

В этой обстановке в ноябре 1940 г. по инициативе Германии начались советско-германские переговоры в Берлине, в ходе которых стороны пытались выяснить ближайшие намерения друг друга. Переговоры выявили реальные узлы советско-германских противоречий. Наиболее остро интересы обеих стран сталкивались на Балканах, в Финляндии и на Ближнем Востоке. Если в 1939 г. Берлин и Москва смогли согласовать свои территориальные устремления и к осени 1940 г. в основном осуществить эти договоренности, то с конца 1940 г. экспансионистские устремления Германии и Советского Союза пришли в столкновение и урегулировать их на основе компромисса не удалось, что и продемонстрировали переговоры в ноябре 1940 г. Германия, победив Францию, считала себя гегемоном Европы и не собиралась идти на уступки. Со своей стороны,

СССР, очень легко присоединив новые территории, считал Финляндию, Балканы и черноморские проливы теми регионами, где он имеет преимущественные интересы и тоже не уступал. Компромисс был затруднён тем, что стороны уже не нуждались в нём, рассчитывая достичь своих целей военными средствами. Война между Германией и СССР была порождена борьбой за господство в Европе, ускорили же её столкновения советских и германских интересов по конкретным политическим вопросам. С ноября 1940 г. советско-германские отношения вступили в новую фазу – фазу непосредственной подготовки к войне.

Москва и Берлин сохраняли нормальные отношения, но вели нарастающую дипломатическую борьбу, особенно на Балканах. Советское руководство, не доводя дело до открытого конфликта, твёрдо отстаивало свои интересы в Болгарии и Югославии. Расширение войны на Балканский регион, произошедшее весной 1941 г., было в целом на руку Москве, поскольку подтверждало невозможность германо-английского компромисса. В этих условиях Советский Союз мог спокойно и последовательно проводить подготовку к войне с Германией.

С весны 1940 г. пока ещё в узких, но довольно высокопоставленных советских аудиториях стали всё громче раздаваться голоса о необходимости модернизации военной пропаганды. Тон этим высказываниям задавал сам Сталин. Выступая на заседании комиссии Главного Военного Совета 21 апреля 1940 г., он предложил “коренным образом переделать нашу военную идеологию. Мы должны воспитывать свой комсостав в духе активной обороны, включающей в себя и наступление. Надо эти идеи популяризовать под лозунгами безопасности, защиты нашего отечества, наших границ” (7).

Уже 13 мая 1940 г. на совещании по военной идеологии в Политуправлении РККА его начальник армейский комиссар I ранга Л.З. Мехлис заявил, что “Красная Армия, как и всякая армия, есть инструмент войны. Весь личный состав Красной Армии должен воспитываться в мирное время, исходя из общих целей подготовке к войне. Наша война с капиталистическим миром будет войной справедливой, прогрессивной, Красная Армия будет действовать активно, добиваясь разгрома врага, его побеждения (так в тексте. – *М.М.*) и перенесения боевых действий на его территорию... Речь идёт об активном действии и победе пролетариата и трудящихся капиталистических стран, об активном действии, когда инициатором справедливой войны выступит наше государство, РККА”. Схожие идеи высказал командующий Ленинградским военным округом командарм II ранга К.А. Мерецков, указавший, что “наша армия готовит-

ся к нападению и это нападение нам нужно для обороны. Это совершенно правильно... Мы должны обеспечить нашу страну не обороной, а наступлением... Наша армия существует для обеспечения нашего государства, нашей страны, а для того, чтобы обеспечить это, надо разгромить, разбить врага, а для этого надо наступать” (8).

Советское руководство знало о наличии крупной группировки вермахта у западных границ СССР, но не опасалось скорого германского нападения, считая, что Германия, связанная войной с Англией, будет продолжать наступление на Ближнем Востоке или попытается высадиться на Британские острова (9). Ситуация в Европе давала Москве уникальный шанс одним ударом перенести войну на территорию противника и освободить континент от “загнивающего капитализма”, используя лозунги национального и социального освобождения. Именно эти идеи содержались в директивных документах по направленности пропаганды в стране и армии, которые стали разрабатываться в мае–июне 1941 г. после известного выступления Сталина 5 мая 1941 г. Судя по имеющимся документам, советское руководство считало создание военно-промышленного комплекса, способного обеспечить наступательные действия Красной Армии, и возникновение войны между остальными великими державами наиболее благоприятными условиями для “сокрушения капитализма” военным путем. Эта ситуация давала возможность под прикрытием лозунгов о “миролюбии СССР” начать “экспорт революции” в страны Европы, первым этапом которого стала агрессия Советского Союза против своих западных соседей и аннексия территорий в Восточной Европе в 1939–1940 гг.

Поэтому в мае 1941 г. началась перестройка военной пропаганды с задачей “воспитывать личный состав в воинственном и наступательном духе, в духе неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление”. Соответственно, “весь личный состав Красной Армии должен проникнуться сознанием того, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории” (10).

Введённые в последние годы в научный оборот архивные документы идеологической и пропагандистской подготовки СССР к войне, свидетельствующие вовсе не об оборонительных намерениях советского руководства, так и не были опровергнуты сторонниками традиционной версии. Но был найден новый аргумент, чтобы не признавать очевидного. Так, Д.А. Волкогонов и А.С. Орлов утверждают, что “никому не известно о каком-либо документе, плане,

которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определённый момент” (11). Им вторит В.Э. Молодяков, который признаёт, что “утвержденных идеологических документов много”, но полагает, что “по-прежнему не найдено ни одного официально утверждённого плана (или хотя бы относящегося к нему документа), предусматривающего начало боевых действий советской стороной против Германии или её союзников” (12).

Действительно многие документы до сих пор неизвестны, но не потому, что их искали и не нашли, а потому, что многие важные фонды архивов закрыты для неангажированных исследователей. Однако и известные документы советского военного планирования, которые действительно являются основным доказательством наступательных намерений СССР, позволяют усомниться в справедливости вышеприведенных высказываний. Ю.А. Горьков совершенно прав, призывая комплексно исследовать эти документы, чего, насколько нам известно, до сих пор не сделано. А поэтому его утверждение о том, что “все документы оперативного плана – от Генштаба до армий включительно – позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз не готовился к нападению на Германию первым” (13), представляется преждевременным.

СОВЕТСКОЕ ВОЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ в 1940–1941 гг.

В конкретных военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба по военному планированию, до сих пор содержащая, к сожалению, значительное количество “белых пятен”, что связано с сохранением секретности соответствующих документов 1939–1941 гг. Ныне отечественная историография располагает довольно цельной картиной хода выработки документов военного планирования на стратегическом уровне, однако их содержание, а также связь с планированием на уровне военных округов всё ещё остаётся слабо изученным. Содержание советских военных планов традиционно излагается в отечественной литературе по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника. В соответствии с этим замыслом армиям прикрытия ставилась задача в течение 10–15 дней обороняться на линии госграницы, не допуская вторжения противника на советскую территорию, и готовиться к переходу в наступление вместе с армиями второго стратегического эшелона (14).

Однако, документальные материалы, ставшие доступными в начале 90-х годов, и исследования последних лет существенно корректируют подобные подходы. Стало известно, что советское военное планирование боевых действий против Германии началось с октября 1939 г. и продолжалось до середины июня 1941 г. (15). За этот период было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии в войне с Германией. Это, конечно, не исключает наличия и других рабочих вариантов, которые всё ещё не доступны для исследователей, что затрудняет анализ хода выработки этих документов.

Вместе с тем, не следует забывать, что опубликованные документы, хотя и играли важную роль в советском военном планирова-

нии, но не исчерпывали его. Во-первых, к этим документам имелся ряд приложений графического и текстуального характера, детализировавших их содержание. Во-вторых, кроме того имелись записка о порядке стратегического развёртывания вооружённых сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РКК по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для сосредоточения вооружённых сил на театре военных действий (ТВД); планы прикрытия стратегического развёртывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, ПВО и другие документы. Комплексное исследование всех этих материалов, в совокупности составлявших советский оперативный план, обеспечивающий организованное развёртывание и вступление в боевые действия Красной Армии в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций (16), всё ещё остаётся, к сожалению, неосуществимым. Пока же мы вынуждены ограничиться рассмотрением доступных текстов четырёх докладных записок на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, содержащих основные идеи военных планов (17). Непосредственной разработкой этих документов занимались заместители начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майоры А.М. Василевский (северное, северо-западное и западное направления) и А.Ф. Анисов (юго-западное и южное направления) (18).

Прежде чем переходить к анализу этих документов, следует хотя бы кратко остановиться на хронологии процесса их разработки. Документ под условным названием “Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.” начал разрабатываться после установления советско-германской границы согласно договору от 28 сентября 1939 г. Особую интенсивность этот процесс приобрел со второй половины марта 1940 г. и в конце июля составление этого документа было завершено. Относительно его судьбы в литературе имеется две дополняющие друг друга версии. Одни авторы считают, что изменение западных границ СССР в августе 1940 г. и формирование новых соединений Красной Армии потребовало существенной доработки документа. По мнению же других, этот план был доложен наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко, который не одобрил его, поскольку считал, что в нём чрезмерное значение придается группировке противника, расположенной севернее Варшавы и в Восточной Пруссии, и настаивал

на более тщательной проработке варианта, когда основные силы противника развернулись бы южнее Варшавы (19).

Во исполнение решения Главного Военного Совета от 16 августа 1940 г. к 18 сентября был подготовлен новый вариант плана, который учитывал возможность использования главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки на Северо-Западном или Юго-Западном направлениях. Именно эти варианты развёртывания советских войск именуется в историографии соответственно “северным” и “южным”. Подобная особенность планирования была своеобразной традицией советского Генштаба, поскольку в 1921–1939 гг. Западный ТВД разделялся почти точно посередине бассейном реки Припять. С сентября 1939 г. эта река полностью протекала по территории СССР, но по привычке именно эта линия, экстраполированная далее на запад, делила ТВД на два основных направления. 5 октября 1940 г. этот вариант плана был доложен Сталину и Молотову. В ходе обсуждения Генштабу было поручено доработать план с учётом развёртывания ещё более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. В результате было предусмотрено увеличить численность войск Юго-Западного фронта на 31,25% по дивизиям, на 300% по танковым бригадам и на 59% по авиаполкам (20). 14 октября доработанный “южный” вариант плана был утвержден в качестве основного, но при этом было решено “иметь разработанным” и “северный” вариант. Разработку обоих вариантов на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г.

Тем самым, советские вооружённые силы получили действующий документ, на основе которого велось более детальное военное планирование. В Генеральный штаб вызывались командующие войсками, члены Военных Советов и начальники штабов военных округов для разработки оперативных документов, которые сразу же утверждались наркомом обороны. Кроме этого документа, советскому руководству докладывались планы боевых действий против Финляндии, Румынии и Турции, что, по мнению их разработчиков, придавало всему оперативному плану необходимую полноту и гибкость, давало возможность действовать в зависимости от конкретной военно-политической обстановки (21).

Однако, разработка военных планов на этом не завершилась. Военное руководство стремилось всесторонне оценить оба варианта действий Красной Армии, заложенных в оперативный план. Для проверки “северного” варианта оперативного плана на 17–19 ноября 1940 г. в Генштабе была запланирована оперативно-стратегическая

игра на картах под руководством наркома обороны по теме “Наступательная операция фронта с прорывом УР”, в ходе которой, наряду с проработкой основ современной операции, планировалось “изучить Прибалтийский театр военных действий и Восточную Пруссию”. Позднее срок игры был увязан с окончанием декабрьского (1940 г.) совещания высшего состава РККА, и в ходе её было решено отработать оба варианта плана войны. Для отработки “северного” и “южного” вариантов соответственно 2–6 и 8–11 января 1941 г. в Генштабе проводились две оперативно-стратегические игры, подробности которых раскрыты в работах П.Н. Бобылева. В первой игре разыгрывались наступательные действия Красной Армии на Северо-Западном направлении (Восточная Пруссия), а во второй – на Юго-Западном (Южная Польша, Венгрия и Румыния).

Хотя в заданиях к играм отмечалось, что “западные” напали, “никаких задач, связанных с действиями “восточных” по отражению агрессии не решалось”. Стороны были поставлены в известность, что “западные” были отброшены к границе, а на Юго-Западном направлении даже к линии рек Вислы и Дунайца на оккупированной немцами территории Польши и с этих рубежей уже шла игра. Исходя из этого, П.Н. Бобылев критикует мнение М.В. Захарова, что игры проводились для “отработки некоторых вопросов, связанных с действиями войск в начальный период войны”. Однако, как отмечает А.М. Василевский, “в январе 1941 г... основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре”. Ещё более категоричен командовавший 6-й армией генерал И.Н. Музыченко: “План войны мы проигрывали в январе в Генштабе”. Как мы увидим далее, никаких оборонительных операций советский Генштаб и не планировал, поэтому разыгрывавшиеся наступательные операции Красной Армии и должны были стать содержанием начального периода войны. В ходе игры наступление “восточных” на территории Восточной Пруссии захлебнулось, а на Юго-Западе они добились значительных успехов, что и привело к отказу от “северного” варианта действий Красной Армии. Тем самым главным направлением советского наступления была определена Южная Польша (22).

Переработку документов оперативного плана с учётом опыта январских игр возглавил новый начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков. Согласно “Плану разработки оперативных планов” требовалось уточнить документы по “южному” варианту к 22 марта, а по “северному” варианту – к 8 марта 1941 г. К сожалению, не яс-

но, была ли выполнена эта задача, ибо подготовленный к 11 марта 1941 г. новый вариант плана окончательно закрепил отказ от “северного” варианта и переориентировал основные усилия войск на Юго-Западное направление (23).

Судьба этого варианта плана вызывает в литературе разногласия. Так, Б.Н. Петров отмечает, что 10 апреля 1941 г. была подготовлена директива на разработку плана оперативного развёртывания войск приграничных округов, исходившая из идей, заложенных в плане от 11 марта (24). Ю.А. Горьков же указывает, что “по данному варианту плана были подготовлены уточняющие директивы в западные приграничные округа и наркому ВМФ, но адресатам их не отправили” (25). Однако, как указывает А.М. Василевский, в данном случае вновь применялась вышеотмеченная практика вызова в Москву командующих войсками и начальников штабов округов, которые получили все необходимые указания (26). Поэтому вывод Ю.А. Горькова, что “уточненному в марте 1941 года плану не был дан ход” (27), без анализа всё ещё секретных документов военного планирования округов представляется преждевременным.

Как бы то ни было, работа над уточнением оперативного плана продолжалась, и к 15 мая 1941 г. был разработан ещё один вариант. Вокруг этого документа в отечественной историографии развернулась дискуссия по вопросу, был ли он утвержден советским политическим руководством. Документальные данные, которые давали бы однозначный ответ на этот вопрос, не известны, поэтому основные аргументы дискутирующих сторон опираются на косвенные сведения. Некоторые авторы ссылаются на то, что на этом документе отсутствуют подписи наркома обороны и начальника Генштаба (28). Действительно, отсутствие подписей военных руководителей объяснить трудно, но Ю.А. Горьков отмечает, что “после 1938 г. все оперативные планы, разработанные Генштабом, не имеют подписей наркома и начальника Генштаба (кроме сентябрьского плана 1940 г., подписанного Тимошенко и Мерецковым)” (29). То есть оформление документа от 15 мая 1941 г. вовсе не является чем-то экстраординарным. Можно предположить, что уточнения утверждённого в октябре 1940 г. плана стратегического развёртывания оформлялись в рабочем порядке. Сомнения в том, что Сталин был знаком с этим планом, основываются, вероятно, на том факте, что на нём отсутствует какая-либо его резолюция. Но сведения, сообщаемые А.М. Василевским о порядке рассмотрения

подобных документов советским руководством подтверждают, что все указания Сталин давал устно (30).

Основным аргументом сторонников традиционной версии об оборонительных намерениях СССР стали материалы бесед Г.К. Жукова с некоторыми военными историками в 60-е годы. По свидетельству В.А. Анфилова, в 1965 г. Жуков рассказал ему следующее. “Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредоточивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривавшую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить его Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам. “Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?” – раздраженно бросил Сталин. Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая... “Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чём трубят газеты всего мира”, – прорычал Сталин. Так была похоронена наша идея о предупредительном ударе...” (31)

В 1966 г. Жуков рассказывал сотруднику Военно-исторического журнала Н.А. Светлишину, что “свою докладную я передал Сталину через его личного секретаря Поскребышева. Мне до сих пор не известны ни дальнейшая судьба этой записки, ни принятое по ней решение Сталина. А преподанный по этому поводу мне урок запомнился навсегда. На следующий день Н.А. Поскребышев, встретивший меня в приемной Сталина, сообщил его реакцию на мою записку. Он сказал, что Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил ему передать мне, чтобы я впредь таких записок “для прокурора” больше не писал, что председатель Совнаркома больше осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет ещё достаточно времени для подготовки решительной схватки с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти” (32).

Трудно не заметить полное различие обеих версий, что очень странно: ведь их автором, если верить публикаторам, был один и тот же человек, участник описываемых событий. Особенно неправдоподобной выглядит версия Светлишина. Прежде всего не ясно, почему Жуков передает совершенно секретный, особой важности документ не самому Сталину, а его секретарю. Мало того, что подобная практика не подтверждается другими материалами, она была прямо запрещена “Инструкцией по разработке, пользованию, учёту и хранению совершенно секретных документов особой важности в центральных управлениях Наркомата обороны и в штабах военных округов и армий”, введённой в действие приказом наркома обороны № 0023 от 12 апреля 1941 г. Согласно инструкции, “совершенно секретным документам особой важности являются оперативные документы, относящиеся к планам оперативного развёртывания войск Красной Армии”, что подтверждается наличием на документе от 15 мая 1941 г. грифов “совершенно секретно/особой важности”. В инструкции было чётко указано, что “передача документов на подпись, на доклад и т.п. через третьих лиц (секретарей, адъютантов и т.п.) запрещается. Документы должны передаваться соответствующим должностным лицам из рук в руки” (33). Не ясно также, почему Сталин не мог лично сказать Жукову всё то, что он, якобы, передал через Поскребышева, который сообщил генералу об этом в приемной (!?) Сталина.

Более правдоподобна версия Анфилова, но и в ней содержатся явно фальсифицированные сведения. Во-первых, идея предупредить нападение Германии возникла задолго до мая 1941 г. и составляла основу советского военного планирования в 1940–1941 гг. Хотя не исключено, что именно речь Сталина от 5 мая 1941 г. подтолкнула военных подготовить уточняющий документ. Во-вторых, ответ Сталина на это предложение выглядит совершенно ни к месту – при чём тут “провоцирование”? В-третьих, вряд ли стоит сводить смысл речи Сталина к опровержению утверждений зарубежной прессы, которую в СССР явно не читали. Теперь эта речь опубликована (34), и каждый сам может убедиться в полном расхождении её содержания и приведённой версии. Единственно, в чём сходятся обе версии, это в отказе Сталина от утверждения этого документа. Думается, что именно это и было целью рассказов Жукова, являвшегося одним из тех, кто был заинтересован в сокрытии правды о неудавшемся нападении на Германию. К тому же, Жуков был не в том положении, чтобы позволить себе сказать правду.

Ю.А. Горьков выдвигает несколько иную версию в обоснование того, что “Советский Союз не готовился к агрессии против Германии в 1941 г.”, ссылаясь на “отсутствие решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства... До настоящего времени документов, подтверждающих наличие такого политического решения не выявлено” (35). К сожалению, авторы, любящие порассуждать о “политическом решении” о начале войны, не спешат точно определить, какой именно документ является “политическим решением”. Причём разногласия существуют даже в отношении действий германского руководства. Одни авторы считают, что Гитлер принял политическое решение о начале войны с СССР в июне–июле 1940 г., когда отдал приказ о начале её планирования, а другие утверждают, что в декабре 1940 г., когда подписал директиву № 21 “План Барбаросса”. Однако известно, что даже приказ вермахту о нападении на СССР от 10 июня 1941 г. предполагал возможность его отмены, и лишь днем 21 июня войска получили окончательное подтверждение намеченной операции (36). Или, например, действия англо-французского руководства, которое планировало вмешательство в советско-финскую войну и удары по Баку и Батуми, но, несмотря на значительную подготовку к осуществлению этих планов, Лондон и Париж так и не приняли “политического решения” начать их реализацию (37). Таким образом “политическим решением” о начале войны может считаться лишь приказ войскам осуществить вторжение. Естественно, что до 22 июня 1941 г. советское военно-политическое руководство не отдавало и не могло отдать Красной Армии такого приказа, а поэтому вся дискуссия по этому вопросу безосновательна.

Наиболее серьёзным аргументом в пользу утверждения документа от 15 мая 1941 г., по мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева (38), является процесс стратегического сосредоточения и развёртывания Красной Армии в соответствии с этим планом и его последующими уточнениями, развернувшийся в апреле–июне 1941 г. Это явно говорит в пользу его утверждения. Правда, момент его утверждения остаётся неизвестным. Ю.А. Горьков, первым опубликовавший этот документ в российской научной периодике, тоже считает, что план был утверждён и “в начальном периоде войны действия советских войск на советско-германском фронте определялись стратегическим замыслом оперативного плана, разработанного в мае 1941 года” (39). В другой своей публикации он

прямо пишет, что этот план был 15 мая 1941 г. одобрен “политическим руководством государства” (40).

Для обсуждения сложившейся обстановки и задач войск западных приграничных округов, вытекавших из этого плана, 24 мая 1941 г. в Кремле состоялось совещание Сталина и Молотова с наркомом обороны, начальником Генштаба, его первым заместителем, начальником Главного управления ВВС, командующими войсками, членами военных советов и командующими ВВС Прибалтийского (ПриОВО), Западного (ЗаОВО), Киевского (КОВО) особых, Ленинградского (ЛВО) и Одесского (ОдВО) округов. В июне уточнение этого документа продолжалось. 13 июня заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин подготовил справку о развёртывании вооружённых сил СССР на Западном ТВД, уточнявшую состав войск и их распределение по фронтам. В это же время прорабатывалась идея о создании ещё одного фронта – Южного, который был образован согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 г. (41).

Такова обобщённая картина хода советского стратегического планирования 1939–1941 гг. Теперь следует обратиться непосредственно к анализу содержания доступных материалов.

ОЦЕНКА СИЛ И ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВНИКА

Первые части документов были посвящены оценке вооружённых сил и возможных действий вероятных противников (42). В качестве таковых фигурировали Германия, Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Турция и Япония, т.е. практически все соседи СССР. Разработчики документов предполагали, что против западных границ Советского Союза Германия, Финляндия, Венгрия и Румыния смогут развернуть от 236 до 270 дивизий, более 10 тыс. танков и от 12 до 15 тыс. самолетов. В документе от 15 мая 1941 г. эта часть содержит сведения только по Германии, которая могла развернуть для войны с СССР до 180 дивизий. Вероятно, подобное сокращение связано с тем, что этот документ содержит план боевых действий в основном только против Германии. Для подготовки этой части документов использовались оценочные данные Разведуправления Генштаба, которые были значительно завышенными, поскольку в действительности к 22 июня 1941 г. для войны с СССР были выделены намного меньшие силы.

Излагая “вероятные оперативные планы противников”, разработчики документов постоянно подчёркивали, что “доку-

ментальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает” (43). И далее речь идет лишь о наиболее вероятных предположениях на этот счёт.

Намерения Германии оценивались в июльском плане 1940 г. следующим образом. Развернув основные силы к северу от устья реки Сан, она из Восточной Пруссии нанесёт “главный удар на Ригу, на Ковно (Каунас), Вильно (Вильнюс) и далее на Минск”. Одновременно в Белоруссии наносятся удары на Барановичи и Минск, а также на Дубно и Броды с целью овладения Западной Украиной. Согласно этому варианту, для нанесения главного удара будет сосредоточено до 130 дивизий, а остальные 50 будут действовать на юге. Однако, не исключался и обратный вариант, когда главный удар будет наноситься на Украине, а севернее развернутся вспомогательные действия. В этом случае вермахт будет развернут в обратной пропорции. Предполагались наступательные действия с территории Румынии на Жмеринку и из Финляндии на Карельском перешейке, а позднее на Кандалакшу и Петрозаводск.

Изложив оба варианта действий Германии, авторы документа делали следующий вывод: “Основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант её действий, т.е. с развёртыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р.Сан” (44).

В ходе дальнейшей переработки этой части документа в текст вносились лишь частные изменения относительно направлений развития германских наступательных операций и развёртываемых сил. Гораздо более важным являются изменения в оценке основного варианта действий вооружённых сил Германии. Если в плане от 18 сентября 1940 г. он оставался без изменений, то в плане от 11 марта 1941 г. считалось, что главный удар вермахта будет нанесен по Украине, а на севере будут наноситься вспомогательные удары на Ригу, Двинск (Даугавпилс), Волковыск и Барановичи, правда, и северный вариант полностью не исключался. Документ от 15 мая 1941 г. исходит уже из вероятности только южного направления главного удара вермахта (45).

Таким образом, оценка намерений противника, за исключением возможного направления главного удара, не претерпела существенных изменений. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в условиях отсутствия конкретных данных о действительных планах Германии подобные оценки исходили лишь из конфигурации совет-

ско-германской границы. Не ясно так же, почему авторы документов полностью исключили вариант нанесения главного удара вермахта в Белоруссии, и на каком основании ими делался вывод о северном или южном направлениях главных ударов противника. При анализе этих разделов документов постоянно возникает ощущение, что их авторы занимаются простым гаданием. Более того, А.М. Василевский указывает на отсутствие у разработчиков “прямого ответа на основной вопрос – о вероятности нападения на нас фашистской Германии, не говоря уже об определении хотя бы примерных сроков этого нападения” (46), что прямо опровергает официальную версию о разработке планов отражения германской агрессии.

СОВЕТСКАЯ ГРУППИРОВКА ДЛЯ ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ

Планируя оперативное использование Красной Армии, авторы документов тщательно проработали вопросы её стратегического развёртывания. Документы военного планирования позволяют проследить динамику усиления Западного ТВД, на который предполагалось выделить основные силы советских войск. Согласно июльскому плану 1940 г., для действий на Западе выделялось 68,7% наличных сил сухопутных войск; по сентябрьскому плану – 68,9%; мартовский план 1941 г. предполагал выделение 83,5%, майский – 85,1%, а июньские документы – 79,2% (47). Основная группировка советских войск должна была развернуться в полосе от Балтийского до Чёрного моря. Динамика изменения в распределении сил по двум стратегическим направлениям представлена в таблице 1, из которой видно, что основная группировка развёртывалась на Юго-Западном направлении.

Таблица 1
Варианты распределения советских войск по направлениям (48)

Направления	Июль 1940 г.	Сентябрь 1940 г.		Май 1941 г.	Июнь 1941 г.
		“северный”	“южный”		
<i>Северо-Западное</i>					
дивизии (%)	106 (63,5)	101 (62,3)	68 (48)	76 (34,2)	76 (38,2)
танковые бригады (%)	7 (63,6)	7 (63,6)	6 (54,5)	–	–
авиаполки (%)	94 (61,8)	90 (60,8)	59 (40,1)	34 (27,2)	34 (28,6)
<i>Юго-Западное</i>					
дивизии (%)	61 (36,5)	61 (37,6)	96 (52)	146 (65,8)	123 (61,8)

танковые бригады (%)	4 (36,4)	4 (36,4)	5 (45,5)	–	–
авиаполки (%)	58 (38,2)	58 (39,2)	88 (59,9)	91 (72,8)	85 (71,4)

В отечественной литературе стало общим местом утверждение, что это произошло в силу неправильного определения советским военно-политическим руководством направления будущего главного удара противника. Однако, как справедливо указал М.А. Гареев, “направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась – и в этом главная ошибка), а применительно совсем к другим способам действий”. Однако в случае советского наступления “упомянутый вариант выбора направления сосредоточения основных усилий на Юго-Западном направлении был вполне обоснован и более выгоден, чем на западном направлении”, поскольку “пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника”, тогда как “главный удар на Западном направлении приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности” (49). “И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался” (50).

ЗАДАЧИ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАПАДЕ

Какие же задачи возлагались на все эти войска? Согласно документу от июля 1940 г., “основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород (Демблин), Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир”. Соответственно войскам Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии, 37 дивизий и 2 бригады) ставилась задача – “по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней”.

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 51 дивизия и 4 бригады) должен был “ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта нанести решительное поражение германской армии, сосредоточивающейся в Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород (Демблин), совместно с армиями Юго-Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла”.

Перед войсками Юго-Западного фронта (5-я, 6-я, 12-я, 18-я, 9-я армии, Конно-механизированная группа, 57 дивизий и 4 бригады) ставилась задача “активной обороной в Карпатах и по границе с Румынией прикрыть Западную Украину и Бессарабию, одновременно, ударом с фронта Мосты-Великие, Рава-Русска, Сенява в общем направлении на Люблин, совместно с левофланговой армией Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника, выйти и закрепиться на среднем течении р. Висла” (51).

Согласно плану от 18 сентября 1940 г., “главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислава) (Так в тексте – *М.М.*) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить её важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней”.

Надо отметить, что, излагая два варианта использования Красной Армии, авторы документа подчёркивают, что именно “южный” вариант является основным. Интересно так же обоснование этого вывода: “Удар наших сил в направлении Краков, Братислава, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо ещё подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши”.

Общая задача Красной Армии на Западе была сформулирована следующим образом: “1. Активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск; 2. Во взаимодейст-

вии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер; 3. В процессе операции прочно прикрывать границы Северной Буковины и Бессарабии; 4. Активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом минское и псковское направления”.

Соответствующие задачи получили и фронты. Северо-Западному фронту (8-я, 11-я армии, 23 дивизии и 2 бригады) были поставлены задачи: “1. Обороняя побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника; 2. Прочно прикрывать минское и псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию; 3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки; 4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии”.

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 42 дивизии и 4 бригады) получил задачу “прочно прикрывая минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород (Демблин) способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера”.

Юго-Западный фронт (5-я, 19-я, 6-я, 12-я, 18-я, 9-я и Конно-Механизированная армии, 96 дивизий и 5 бригад) получил задачу “прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлении Кельце, Петроков и на Краков, овладеть рай-

оном Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер”.

Основными задачами “северного” варианта развёртывания советских войск должны были быть: “1. Прочное прикрытие направлений на Минск и Псков в период сосредоточения войск. 2. Нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии, и захват последней. 3. Вспомогательным ударом от Львова не только прочно прикрыть Западную Украину, Северную Буковину и Бессарабию, но и нанести поражение группировке противника в районе Люблин, Грубешов, Томашев”. Разработчики документа подчеркивали, что “разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией”. Однако “возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст надежного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит выступление Балканских стран в войну против нас”. Основные задачи фронтов оставались такими же, как и в предыдущем варианте плана (52).

В вышеприведенных документах войска Северного фронта, развёртываемого против Финляндии, получали ограниченные задачи обеспечить оборону Ленинграда, прикрыть Мурманскую железную дорогу и удержать “полное господство в Финском заливе”. Авторы документов предполагали, что “вступление в войну одной Финляндии маловероятно, наиболее действителен случай одновременного участия в войне Финляндии с Германией”, и считали, что “наши действия на северо-западе должны свестись в основном к активной обороне наших границ”. Правда, задачи Северного и Краснознаменного Балтийского (КБФ) флотов свидетельствуют, что “активная оборона” предполагалась на территории Финляндии (53).

Мы позволили себе столь пространное цитирование, поскольку этот материал демонстрирует отсутствие всякой связи действий Красной Армии с возможными действиями противника, о которых говорилось выше. Из документа четко вырисовывается действительный сценарий начала войны, положенный в основу планирования: под прикрытием войск западных военных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развёртывание на Западном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции, завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее

наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по южной Польше. Немецкие войска, как и в первом варианте плана, обозначены термином “сосредоточивающиеся”, а значит инициатива начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая первой начинает и заканчивает развёртывание войск на театре военных действий. Этот вывод подтверждается прямым указанием в документе, что в случае сосредоточения основных сил на Северо-Западном направлении “при условии работы железных дорог в полном соответствии с планом перевозок, днём перехода в общее наступление должен быть установлен 25-й день от начала мобилизации, т.е. 20-й день от начала сосредоточения войск” (54). То есть переход в наступление связан не с ситуацией на фронте, а с завершением сосредоточения Красной Армии.

Широко распространённое мнение о том, что СССР сначала ждал нападения врага, а уже потом планировал наступление, не учитывает того, что в этом случае стратегическая инициатива фактически добровольно отдавалась бы в руки противника, а советские войска ставились бы в заведомо невыгодные условия. Тем более, что сам переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки, которая должна была начинаться с оборудования четырёх оборонительных рубежей на 150-км глубину. Но ничего подобного до начала войны не делалось, и вряд ли стоит всерьёз отстаивать тезис о том, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да ещё при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось. Ведь “отражать агрессию мыслилось путём ведения на главных направлениях стратегических (фронтовых) наступательных операций” (55). Кроме того, не ясно, зачем надо планировать наступательные операции, если войскам предстоит оборона от нападающего противника. Ведь никто не знает, как сложится ситуация на фронте в ходе оборонительной операции, где окажутся наши войска, в каком они будут состоянии и т.п. К тому же, ожидание нападения противника не позволит своевременно провести мобилизацию, что, соответственно, сделает невозможным осуществление всех этих планов.

Не следует забывать, что при разработке проблем начального периода войны внимание советской военной науки на протяжении всего межвоенного периода “было сосредоточено на том, чтобы с началом войны ввести свои главные силы в сражение раньше своего

противника и в более выгодных условиях, надежно захватить стратегическую инициативу. Решение этой задачи могли обеспечить: создание сильных армий мирного времени, которые могли бы составить ядро главных сил; заблаговременная всесторонняя подготовка инфраструктуры, особенно железных и автомобильных дорог, позволяющая своевременно осуществить развёртывание главных сил; детальная разработка плана мобилизации, сосредоточения и оперативно-стратегического развёртывания; создание соответствующих органов управления этими процессами; формирование и сосредоточение в районе границы специальных мотомеханизированных и авиационных соединений, призванных с началом военных действий сорвать мобилизацию и сосредоточение главных сил противника; инженерное оборудование ТВД; подготовка системы ПВО территории страны; организация прикрытия Государственной границы для беспрепятственного проведения мобилизации, сосредоточения и развёртывания войск; заблаговременное, скрытое проведение частичной мобилизации и сосредоточения войск” (56). Как известно, эти меры последовательно проводились в предвоенный период, что лишний раз опровергает версию об оборонительных намерениях советского военно-политического руководства.

Поскольку в документах были подробно расписаны именно наступательные операции советских войск, говорить об ответных действиях Красной Армии не представляется возможным. Содержание этих документов лишний раз показывает, что действия войск по прикрытию в период сосредоточения и развёртывания не связаны обязательно с отражением нападения противника, а являются своего рода боевым охранением сосредоточивающихся войск. Кроме того, не следует забывать, что операции по прикрытию предпринимались Красной Армией осенью 1939 г. при сосредоточении войск для нападения на Польшу и Финляндию и летом 1940 г. для действий против Прибалтийских стран и Румынии.

После окончательного отказа от “северного” варианта, поскольку “развёртывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьёзные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям” (57), в плане от 11 марта 1941 г. основное внимание уделялось дальнейшей отработке “южного” варианта. В этом документе отмечалось, что “наиболее выгодным является развёртывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Ра-

дом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый этап войны отрезать Германию от балканских стран, лишить её важнейших экономических баз и решительно воздействовать на балканские страны в вопросах участия их в войне против нас... Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено – развитие операции через Познань на Берлин или действия на юго-запад на Прагу и Вену или удар на север на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии” (58).

К сожалению, мы не располагаем данными о задачах фронтов по этому варианту плана, но и доступный материал показывает продолжение отработки наступательных операций советских войск. Высказанное в литературе мнение о том, что “план от 11 марта 1941 г. является самым точным итоговым выражением общепринятых взглядов и наиболее точно отражает персональную позицию Сталина”, можно принять лишь частично. Действительно, в этом документе изложена квинтэссенция “общепринятых взглядов” советского руководства на начало войны, но он не был итоговым, поскольку процесс разработки советского оперативного плана продолжался. Версия о том, что “в основу документа была положена оборонительная стратегия” (59), не имеет никакого основания. Дело в том, что в нём было чётко указано: “Наступление начать 12.6.” (60). Точный срок начала наступления, как известно, определяется стороной, которая планирует располагать инициативой начала боевых действий. Правда, этот срок не был выдержан, но его появление в документе очень показательное, как и то, что это единственный документ советского военного планирования, который опубликован в новейшем документальном сборнике в извлечении (61).

Уточнение задач советских войск нашло свое дальнейшее развитие в документе от 15 мая 1941 г. В нём впервые открыто и чётко сформулирована мысль, что Красная Армия должна “упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет ещё организовать фронт и взаимодействие войск”, которая, как мы видели выше, в скрытой форме присутствовала во всех предыдущих вариантах плана. Естественно, что разработчики этого документа говорят о возможности нападения Германии на СССР лишь предположительно (62).

Войскам Красной Армии ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало “первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развёртываемых южнее линии Брест–Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача – разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от её южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а так же содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начнёт наступательные действия с фронта Чижов, Лютовиска силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона”.

Термин “активная оборона” не должен вводить в заблуждение, так как он означал совокупность оборонительных и наступательных операций. Поскольку в документе неоднократно подчёркивается, что именно Красная Армия будет инициатором военных действий, этот термин, скорее всего, скрывает частные наступательные операции для сковывания противника.

Фронты получили следующие задачи. Северный фронт (14-я, 7-я, 23-я армии, 21 дивизия) должен был обеспечить оборону “г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской желдороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива”. Правда, остаётся неясно, как

могли сухопутные войска обеспечить господство в заливе без оккупации южной части Финляндии.

Северо-Западный фронт (8-я, 11-я, 27-я армии, 23 дивизии) должен был “упорной обороной прочно прикрывать Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника”. Правда, как отмечают авторы новейшего военно-исторического труда, войскам Северо-Западного фронта и двум армиям правого крыла Западного фронта “предписывалось при благоприятных условиях перейти в наступление, овладеть районом Сувалки, нанести удар на Инстербург и Алленштейн, сковав тем самым силы противника” в Восточной Пруссии (63).

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 45 дивизий) должен был “упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка, прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом, разбить варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить люблинско-радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом”.

Юго-Западный фронт (5-я, 20-я, 6-я, 26-я, 21-я, 12-я, 18-я, 9-я, армии, 122 дивизии) имел ближайшими задачами “а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблина; б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея ввиду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территории бывшей Польши и Восточной Пруссии; в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы” (64).

Таким образом, достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск Юго-Западного направления, на котором развёртывалось более половины всех дивизий, предназначенных для действий на Западе. Для обеспечения сильного первоначального

удара по противнику основные силы планировалось развернуть в армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений.

ПЛАНЫ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Наступательному характеру задач сухопутных войск соответствовали и активные задачи, которые разрабатывались командованием советского Военно-Морского Флота, о чём свидетельствуют докладные записки командования КБФ наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову и в Главный морской штаб. Так, начальник штаба флота контр-адмирал Ю.А. Пантелеев в записке от 5 июля 1940 г., анализируя сложившуюся обстановку на Балтике, отмечал, что, несмотря на враждебное отношение к СССР Финляндии и Швеции, «единственным противником... может быть в данной обстановке только Германия, которая для развёртывания операций использует Швецию и особенно Финляндию для использования её фланкирующего и тылового расположения в отношении наших баз в устье Финского залива». Вероятными операциями Германии на Балтийском море могли бы стать действия против Моонзундских островов, Ханко и других баз КБФ, который должен был обеспечить их оборону с моря, создать противолодочный рубеж в устье Финского залива и обеспечить свои коммуникации от Кронштадта до Таллина. Вместе с тем, против Финляндии предлагалось осуществить десантные операции для захвата Аландских островов, Котки, шхер Аспэ и оккупацию северного побережья Финского залива. Против Швеции предлагалось осуществить десант на остров Готланд, где следовало создать базу подводных лодок и ВВС флота.

Против Германии предлагались активные минные постановки и действия подводных лодок на её коммуникациях, высадка десанта и поддержка фланга сухопутных войск к югу от Лиенаи и подготовка флота к морскому сражению с германскими ВМС, прорывающимися в Финский залив. Первоочередными операциями флота Пантелеев считал «захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно. Операции по постановке минных заграждений и по их прикрытию в устье Финского залива, Ирбенском проливе и у немецких баз. Наступление наших сухопутных сил на север от базы Гангэ (Ханко) и на запад от Выборга. Развёртывание подводных лодок на коммуникациях немцев в Балтике (побережье Германии Киль–Мемель)». По мнению автора доклада, следовало «немедленно в этом же году получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами – вплоть до войны, иначе по-

том все эти возможности используют немцы и создадут этим для нас большие трудности”. Кроме того, было необходимо усилить корабельный состав флота, его ВВС, противолодочную оборону, сосредоточить необходимое количество мин и изменить структуру управления на ТВД (65).

Столь же радикальной была и докладная записка командующего эскадрой КБФ контр-адмирала Н.Н. Несвицкого от 10 июля 1940 г. в Главный морской штаб, в которой он, исходя из анализа неблагоприятной для СССР обстановки на Балтике, предлагал “в целях обеспечения как баз, так и коммуникаций, питающих их, ...решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР и сделать Балтийское море внутренним морем”. Для обеспечения своих баз предлагалось создать ряд минных позиций в устье Ботнического и Финского заливов и в Ирбенском проливе, подготовиться к активному использованию ВВС и подводных лодок для обеспечения своих коммуникаций. В качестве наступательных операций КБФ должен был поддерживать фланги сухопутных войск на Ханко и границе с Восточной Пруссией, захватить десантными операциями Готланд и Аландские острова, высадить десант на финском побережье Ботнического залива, “который обеспечит наступление наших сил на полуострове Ханко”, в Котке и в Хельсинки, “обеспечивающий наступление со стороны Выборга”. Так же предлагалось осуществлять операции по нарушению коммуникаций и уничтожению флота Германии (66).

Директивами наркома Военно-Морского Флота от 26 февраля 1941 г. были поставлены следующие задачи флотам на западных границах СССР.

Северный флот должен был уничтожить флот противника при появлении его в Баренцевом и Белом морях; совместно с 14-й армией оборонять побережье полуостровов Средний, Рыбачий и Кольский и не допустить высадки десантов противника; содействовать 14-й армии в захвате Петсамо; не допустить прохода судов противника в Белое море, побережье которого следовало оборонять совместно с Архангельским военным округом; вести крейсерские операции подводных лодок на морских сообщениях противника у западного побережья Норвегии и в Скагерраке.

Краснознамённый Балтийский флот должен не допустить высадку морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР, на острова Моонзундского архипелага; совместно с ВВС Красной Армии нанести поражение германскому флоту при

его попытках пройти в Финский залив; не допустить корабли противника в Рижский залив; содействовать сухопутным войскам на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги, а так же в случае выступления против СССР Финляндии уничтожать береговую оборону финнов; уничтожать боевые флоты Финляндии и Швеции при их выступлении против СССР; обеспечить в первые же дни войны переброску одной стрелковой дивизии с северного побережья Эстонии на полуостров Ханко, а также быть готовым к высадке десанта на Аландские острова; прервать морские коммуникации неприятеля в Балтийском море и Ботническом заливе.

Черноморский флот получил задачу обеспечить господство на море; активными минными постановками и действиями подводных лодок не допустить прохода флотов враждебной коалиции в Чёрное море; не допустить подвоза по морю войск и боевого снаряжения противником в порты Румынии, Болгарии и Турции; не допустить высадки десантов противника; не допускать действий кораблей противника по советскому побережью; в случае вступления Румынии в войну уничтожить или захватить её флот и прервать коммуникации, блокировать побережье Румынии, включая устье Дуная; быть готовым к высадке тактических десантов; содействовать левому флангу Красной Армии при форсировании реки Дунай и при дальнейшем продвижении вдоль побережья Чёрного моря; обеспечить ПВО Главной базы и Керченского сектора береговой обороны. Дунайская военная флотилия Черноморского флота должна была не допускать форсирования противником Дуная от устья р. Прут до устья Килийского гирла; не допустить прохода военных и других судов на участке Рени – устье Килийского гирла; оказать содействие сухопутным войскам в отражении возможного удара противника с направления Галац на Джурджулешть.

Пинская военная флотилия получила задачу содействовать войскам Красной Армии на реках Западный Буг, Висла и Неман при ведении наступательных операций; огнем кораблей, переправой и перевозкой войск, высадкой тактических десантов, прикрытием флангов войск, упирающихся в реку; бороться с речными силами и переправами противника; обеспечить свои водные коммуникации (67).

К 15 апреля 1941 г. флоты разработали оперативные планы и планы прикрытия, которые были утверждены наркомом ВМФ. Во второй половине июня 1941 г. при Балтийском морском пароходстве

ве был создан Отряд особого назначения в составе 19 транспортов, 6 ледоколов, 5 катеров, 5 буксиров и 10 прочих гражданских судов, который был способен за один рейс поднять 14–15 тыс. человек, 300–350 автомашин и 3 тыс. лошадей, то есть одну дивизию для переброски на Ханко. В это же время в северо-западной части Чёрного моря состоялись общефлотские учения Черноморского флота, которые обычно проводились в конце лета или осенью. Для их проведения 10 июня было мобилизовано в состав флота 6 гражданских судов. В ходе учений под видом противодесантных операций войска ОдВО, как ранее войска Северо-Кавказского и Закавказского военных округов, отрабатывали вопросы высадки десанта. Разработанное накануне войны штабом Черноморского флота “Временное наставление по огневому взаимодействию кораблей ЧФ с сухопутными войсками Одесского военного округа”, которое было взято за основу и другими округами, не предусматривало совместных действий при отражении высадки десанта. Лишь в ходе войны были разработаны Указания по противодесантным действиям (68).

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПЛАН КРАСНОЙ АРМИИ

Так как план стратегического развёртывания и замысел первых стратегических операций были рассчитаны на полное отмобилизование Красной Армии, то они были тесно увязаны с мобилизационным планом. С апреля 1940 г. началась разработка нового мобилизационного плана, который был 12 февраля 1941 г. утверждён правительством. Мобилизационное развёртывание Красной Армии по плану МП-41 (официальное название “Мобплан № 23”) должно было привести к созданию армии военного времени. Всего намечалось развернуть 8 фронтовых и 29 армейских управлений, 62 управления стрелковых, 29 механизированных, 4 кавалерийских, 5 воздушно-десантных и 8 авиакорпусов, 177 стрелковых, 19 горнострелковых, 2 мотострелковые, 61 танковую, 31 моторизованную, 13 кавалерийских и 79 авиационных дивизий, 3 стрелковые, 10 противотанковых артиллерийских бригад и 72 артполка РКК, а также соответствующее количество тыловых частей. После мобилизации численность вооружённых сил СССР должна была составить 8,9 млн. человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. орудий и минометов, до 37 тыс. танков, 22,2 тыс. боевых самолетов, 10,7 тыс. броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов и 595 тыс. автомашин.

Большая часть этих войск уже была сформирована или заканчивала формирование, поскольку по принятой летом 1939 г. сис-

теме мобилизационного развёртывания количество частей и соединений доводилось до уровня военного времени, что упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и должно было способствовать более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск. Главная «особенность военного строительства в эти годы состояла в том, что проходило скрытое мобилизационное развёртывание вооружённых сил» (69). Только во второй половине 1940 – первой половине 1941 г. было сформировано 18 управлений армий, 16 управлений стрелковых корпусов, 29 управлений мехкорпусов, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 86 стрелковых, 61 танковая и 31 моторизованная дивизии, 2 стрелковые, 10 воздушно-десантных и 10 противотанковых артиллерийских бригад.

Согласно плану МП-41, отмобилизование Красной Армии предусматривалось произвести поэтапно в течение месяца. В зависимости от обстановки, мобилизацию планировалось проводить скрытно или открыто. Метод скрытого отмобилизования был разработан в деталях. Войска армий прикрытия планировалось отмобилизовывать в два эшелона. Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, укрепрайоны на новой границе, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 артполка РКК, должен был завершить отмобилизование в течение 2–6 часов с момента объявления мобилизации. Сокращение срока мобилизации достигалось за счёт призыва личного состава и автотранспорта из близлежащих районов. Остальные войска приграничных округов заканчивали отмобилизование на 2–4-е сутки мобилизации, используя приписной состав со всей территории округов и из глубины страны.

Прочие войска завершали отмобилизование на 8–15-е сутки, а запасные части и стационарные госпитали – на 16–30-е сутки. Отмобилизование ВВС завершалось на 3–4-е сутки, причём боевые части и обслуживающие их тылы приводились в боевую готовность уже через 2–4 часа после начала мобилизации. Войска ПВО отмобилизовывались в два эшелона. Первый имел постоянную готовность до 2 часов, а второй развёртывался на 1–2-е сутки мобилизации. Развёртывание вновь формируемых частей предусматривалось завершить на 3–5-е сутки. Таким образом, из 303 дивизий Красной Армии 172 имели сроки полной готовности на 2–4-е сутки, 60 дивизий – на 4–5-е сутки, а остальные – на 6–10-е сутки мобилизации. Все остальные боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отмобилизовывались на 8–15-е сутки. Полное отмобилизование вооружённых сил предусматривалось на 15–30-е сутки,

основная же часть войск развёртывалась примерно на 10–15-е сутки (70).

ПЛАНЫ ПРИКРЫТИЯ МОБИЛИЗАЦИИ, СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Важной проблемой вступления Красной Армии в войну был вопрос прикрытия мобилизации, сосредоточения и развёртывания войск. В межвоенный период считалось, чтокрытие должно осуществляться вторжением на территорию противника, что полностью исключало бы его активные действия против сосредоточивающихся и развёртывающихся войск Красной Армии. Первоначально эти задачи должны были выполняться группами вторжения, однако “опыт стратегических игр и учений 30-х годов показал, что группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы. Они были слабы по своему составу и нацеливались на действия по изолированным направлениям, что могло привести к их последовательному разгрому. Вместо групп намечалось вначале создание армий вторжения или ударных армий, а затем выполнение задач армий вторжения признано необходимым возложить на весь первый стратегический эшелон вооружённых сил” (71). В этом смысле проблема специальных операций прикрытия затрагивалась на декабрьском (1940 г.) совещании высшего состава в выступлении начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова (72).

К сожалению, документы по планам прикрытия за весь межвоенный период недоступны для изучения в силу их секретности. Лишь в 1996 г. были частично опубликованы планы прикрытия западных приграничных военных округов, разработанные в мае–июне 1941 г. Основой для их разработки послужили директивы наркома обороны, которые, как указывается в литературе, были направлены в ЗапОВО, КОВО и ЛВО 5 мая, в ОдВО – 6 мая, а в ПриОВО – 14 мая 1941 г. В публикации 1996 г. почему-то указано, что директивы были направлены в ОдВО 6 мая, в ЛВО, ПриОВО и ЗапОВО – 14 мая, а в КОВО – 15 мая 1941 г., хотя даже их делопроизводственные номера не соответствуют этому утверждению. Вместе с тем, следует отметить, что опубликованные документы по ЛВО требуют прояснения противоречий в дате директивы Наркома обороны. Это тем более любопытно, что все исследователи ссылаются на одни и те же архивные документы (73). Во всяком случае

сегодня известно, что директивы наркома обороны были направлены в ЗапОВО и КОВО 5 мая, в ОдВО 6 мая, а в ЛВО и ПрибОВО 14 мая 1941 г. (74).

Кроме того, следует отметить, что данная публикация, при всей своей важности, не избежала определённой тенденциозности. Прежде всего авторы выдают эти документы за оперативные планы округов, хотя это всего лишь “планы прикрытия на период мобилизации, сосредоточения и развёртывания”. То есть эти документы, хотя и важная, но всего лишь часть оперативного плана (75). Поэтому, вопреки утверждению авторов публикации, эти документы не “позволяют определить, как реализовывался стратегический замысел войны, выяснить её характер на начальном этапе”. Вывод авторов публикации, что “анализ директив Генштаба, датированных маем 1941 года, в целом показывает, что никаких задач наступательного порядка войскам западных приграничных военных округов не ставилось”, справедлив, но при этом следует учитывать, что эти директивы были посвящены разработке планов прикрытия, а не первых операций войны. Поэтому в них и не может быть подобных указаний. Ведь, как отметил В.Б. Маковский, “оперативное прикрытие являлось составной частью стратегического развёртывания вооружённых сил” (76). Таким образом, авторы публикации стремятся выдать одно из направлений подготовки Красной Армии к войне за единственное. Поэтому им вряд ли стоило пользоваться заголовком “Конец глобальной лжи”.

Сами авторы публикации отмечают, что публикуемые документы “грешат формализмом, отсутствием точной оценки противника, определением соотношения сил и средств. Не были разработаны варианты и способы боевых действий” (77). Гораздо более детально были распланированы действия ВВС, которым, согласно директивам наркома обороны, были поставлены задачи “активными действиями... завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развёртывание войск противника”. Завоевать господство в воздухе с первых дней войны предполагалось “внезапным ударом по авиации противника на его аэродромах и путем нанесения максимальных потерь в воздушных боях”. Понятно, что наиболее эффективным для разгрома авиации противника был бы первый удар по местам её базирования. Поэтому, после того, как ВВС округов “сосредоточатся, а аэродромная сеть противника будет вскрыта, необходимо присту-

пить к решительному уничтожению авиации противника” и других объектов в 200-км приграничной полосе (78).

Запланированная группировка войск западных приграничных округов на прикрытие включала 15 армий, в состав которых выделялось 107 дивизий и 2 бригады, в резерве фронтов оставалось 51 дивизия, а в распоряжении Главного Командования – 8 дивизий (79). Как отмечают военные историки, “сравнительный анализ последних предвоенных планов с планами лета 1940 г. показывает, что... практически стиралась грань между боевыми действиями по прикрытию и первыми операциями” (80), поскольку боевой состав армий прикрытия почти полностью соответствовал плану стратегического сосредоточения и развёртывания войск на ТВД. По мнению В.А. Анфилова, Б.Н. Петрова и В.А. Семидетко, запланированная группировка войск прикрытия была более приспособлена к наступлению, чем к обороне (81), что не могло не сказаться в случае нападения противника, поскольку, как справедливо указывает М.А. Гареев, “невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развёртывания войск” (82).

Ввод этих планов в действие вовсе не совпадал с нападением противника. Так, в них подчеркивается, что “первый перелёт и переход границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования” (83). То есть, инициатива этого действия будет исходить от Москвы, тогда, как в случае отражения нападения, это указание теряет силу, поскольку войска просто обязаны отразить его, не считаясь с линией границы. В плане прикрытия ПриБОВО отмечалось, что “цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление” (84). Это ещё раз подтверждает, что ввод в действие планов прикрытия зависел не от действий противника, а от решения советского командования. По справедливому мнению М.А. Гареева, “накануне войны в какой-то момент было упущено из виду то важнейшее обстоятельство, что в случае начала военных действий и в политическом и в военном отношении нельзя исходить только из собственных пожеланий и побуждений, не учитывая, что противник будет стремиться делать всё так и тогда, когда это удобно и выгодно ему” (85), а “идея непременно перенесения войны с самого её начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных ра-

ботников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически исключалась. Конечно, это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории” (86).

Этот вывод подтверждают и опубликованные документы по планам прикрытия, не предусматривавшие серьёзного противодействия сосредоточению советских войск со стороны противника. Так, полное развёртывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало по планам до 15 дней, что, естественно, было бы крайне затруднено при наступлении противника. Причём при нападении противника войска первого эшелона не успевали бы занять свои полосы обороны на границе. Как справедливо отметил В.П. Крикунов, “характерная черта планов прикрытия состояла в том, что они исходили из такого варианта начала войны и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести от мобилизацию... Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного перехода в наступление превосходящих вражеских сил... Сущность тактического манёвра сводилась к тому, что надо быстро собраться и выйти к границе... Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою” (87).

Если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это бы “означало, – по справедливому мнению М.А. Гареева, – что приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учётом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала так же, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объёме подготовлены эти операции, в том числе в матери-

ально-техническом отношении, чтобы они были освоены командами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остаётся времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах” (88).

Поскольку ведение оборонительных операций не предусматривалось, войска первого эшелона армий прикрытия получили чрезмерно широкие полосы прикрытия на границе. Так, в ПриОВО на дивизию приходилось 33 км, в ЗапОВО – 47 км, в КОВО – 50 км, в ОдВО – 90 км. Это не предусматривалось никакими нормами, согласно которым ширина фронта обороны дивизии должна была составлять 8–10 км. Полосы армий составляли в среднем 170–176 км вместо 80–100 км по предвоенным взглядам, столь же растянутыми были и полосы прикрытия стрелковых корпусов (84–92 км вместо уставных 20–25 км). Как отметил В.Б. Маковский, “планами предусматривалось относительно равномерное построение войск прикрытия... Такое построение войск первого стратегического эшелона при внезапном нападении противника создает условия разгрома их по частям, как это и произошло в последующем” (89). Естественно, что в этих условиях “способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной, так как решению этой задачи должны были предшествовать мероприятия по оперативному развёртыванию армий прикрытия и инженерному оборудованию оборонительных рубежей” (90). Конечно, создание тыловых оборонительных рубежей, предусмотренное этими планами, было бы невозможно в случае вражеского удара. Кроме того, если советские войска действительно готовились к проведению оборонительных операций, не ясно, что мешало создать эти рубежи, например, весной 1941 г.

Не следует забывать, что планирование операций западных приграничных округов на прикрытия мобилизации, сосредоточения и развёртывания войск происходило в соответствии с планом от 15 мая 1941 г. В нём была чётко указана цель этих мероприятий, осуществлявшихся “для того, чтобы обезопасить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развёртывание наших войск и **подготовку их к переходу в наступление**” (выделено мной – М.М.). Поэтому следовало, во-первых, “организовать прочную оборону и прикрытия госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назна-

ченную для развёртывания на западе”, а во-вторых, “разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО”. Согласно майским директивам наркома обороны “разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью” заканчивалась к 1 июня 1941 г., но позднее этот срок был отодвинут, и планы прикрытия округов поступили на утверждение в Генштаб 6–19 июня 1941 г. (91).

Поскольку оборонительные операции не планировались, в директивах и планах прикрытия дана установка: “При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей” (92). В этом смысле вывод авторов публикации, что эти документы являются “логическим продолжением стратегического плана войны”, который, как было показано выше, предусматривал активные наступательные действия Красной Армии, верен.

ПЛАНЫ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ

Ставя войскам приграничных округов задачу по нанесению ударов по противнику, советское военное руководство должно было отдать приказ на подготовку этих операций. Подтверждением этому служит вышеупомянутая директива наркома обороны и начальника Генштаба командующему ЗапОВО от 10 апреля 1941 г., согласно которой в соответствии со стратегическим планом Северо-Западный фронт должен был “упорной обороной прикрыть Рижское и Ковно-Виленское направления”. Юго-Западному фронту ставилась задача “ударом армий правого крыла фронта, во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта окружить и уничтожить группировку противника восточнее р. Висла”, рубежа которой предполагалось достичь на 10-й день наступления.

Войска Западного фронта должны были: “1. В период отмобилизации и сосредоточения войск – упорной обороной, опираясь на укрепленные районы, прочно прикрыть наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию. 2. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта – овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду

действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. 3. Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р.Нарев. 4. Упорной обороной армий правого крыла фронта на участке р. Неман, Щучин, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Волковыско-Барановическое направления”.

Соответствующие задачи получили и армии Западного фронта. Так, 3-я армия должна была “обороной на фронте р. Неман, Щучин, Кольно прочно прикрыть Гродно и направления на Лида и на Белосток и Волковыск”. 10-й армии следовало “прочной обороной фронта иск. Кольно, Новогруд до р. Буг, прикрыть Белостокское направление. С выдвиганием левофланговых армий фронта к р. Висла, оборону левого крыла армии вынести на р. Нарев и закрепить восточный его берег за собой”. 13-я армия получила задачу “одновременно с 4-й армией фронта нанести удар силами не менее семи стрелковых дивизий и двух мехкорпусов в направлении на Коссов, Воломин, с целью – выходом к р. Висла обеспечить с севера удар 4-й армии на Седлец, Люблин; в дальнейшем – действиями с севера стремиться овладеть Варшавой, действия мехкорпусов, с выходом на р. Висла, перенести на юг для содействия 4-й армии”. В свою очередь 4-я армия должна была, “наносить удар в направлении Дрохичин, Седльце (Седлец), Гарволин, форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и подвижными частями овладеть – на 3-й день операции Седлец и на 5-й день операции переправами на р. Висла, главными силами на 8-й день выйти на р. Висла, в готовности форсировать ее. В дальнейшем иметь в виду действия на Радом”.

Вместе с тем, следовало, “учитывая возможность перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения, прикрытие границы организовать на фронте всех армий по типу прочной, постепенно усиливающейся по мере прибытия войск, обороны с полным использованием укрепленных районов и полевых укреплений, с всемерным развитием их в период сосредоточения”. Понятно, что план на прикрытие должен был вводиться в действие не в следствие действий противника, а по приказу из Москвы. Естественно, в директиве указывалось, что “первый перелёт и переход государственной границы допускается только с особого разрешения Главного командования”, и требовалось разработать “план выполнения первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й

армий” (93). Как свидетельствует А.М. Василевский, “за несколько недель до нападения на нас фашистской Германии... вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих округов” (94). Всё это ещё раз указывает на недопустимость смешивания планов прикрытия с оперативными планами приграничных военных округов, которые всё ещё секретны.

Ныне известны лишь отдельные документы военного планирования в ЛВО и КОВО 1940 г. (95). 18 сентября 1940 г. Генштаб подготовил план войны с Финляндией, в котором подчёркивалось, что “документальными данными о плане оперативного развёртывания финской армии Генеральный штаб Красной Армии не располагает”, но не исключалась возможность активных действий с её стороны в первые дни войны с целью захвата Выборга и выхода к Ладожскому озеру. Хотя сосредоточение предназначенных для войны с Финляндией 49 дивизий и 3 танковых бригад Красной Армии требовало от 35 до 45 суток, в документе не предусматривалось никаких контрмер возможным действиям противника, кроме операции по прикрытию. Да и трудно представить, чтобы Финляндия, воюя с СССР один на один, решилась бы на открытие боевых действий. Общая задача советских войск сводилась к тому, чтобы:

1. Прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск;
2. “Ударом главных сил Северо-Западного фронта через Савонлинна на Сан-Михель (Миккели) и через Лаппенранта на Хейнола, в обход созданных на Гельсингфорском направлении укреплений, а одновременным ударом от Выборга через Сиппола на Гельсингфорс (Хельсинки) вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии. Этот удар сочетать с ударом на Гельсингфорс со стороны полуострова Ханко и с действиями КБФ в Финском заливе;
3. Одновременно с главным ударом Северо-Западного фронта нанести удар в направлении Рованиemi–Кеми и на Улеаборг, с тем чтобы выходом на побережье Ботнического залива отрезать северную Финляндию и прервать непосредственные сообщения центральной Финляндии со Швецией и Норвегией;
4. Активными действиями на севере в первые же дни войны лишить Финляндию порта Петсамо и закрыть для неё норвежскую границу на участке Петсамо, Наутси” (96).

25 ноября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили командованию ЛВО директиву о “разработке плана” вой-

ны с Финляндией, согласно которой ЛВО преобразовывался в Северо-Западный фронт и основными задачами имел “разгром вооружённых сил Финляндии, овладение её территорией... и выход к Ботническому заливу на 45-й день операции, для чего: 1. В период сосредоточения войск прочно прикрыть Выборгское и Кексгольмское направления, при всех обстоятельствах удержать Выборг за собой и не допустить выхода противника к Ладожскому озеру. 2. По сосредоточении войск быть готовым на 35-й день мобилизации по особому указанию перейти в общее наступление, нанести главный удар в общем направлении Лаппенранта, Хейнола, Хяменлинна и вспомогательные удары в направлениях Корниселькя, Куопио и Савонминна, Миккели, разбить основные силы финской армии в районе Миккели, Хейнола, Хамина, на 25-й день операции овладеть Гельсингфорс и выйти на фронт Куопио, Ювяскюля, Хяменлинна, Гельсингфорс. Справа Северный фронт (штаб Кандалакша) на 40-й день мобилизации переходит в наступление и на 30-й день операции овладевает районом Кеми”. Понятно, что директива содержала тщательно расписанные наступательные задачи войск фронта и требовала к 15 февраля 1941 г. разработать планы “сосредоточения и развёртывания войск фронта”, “прикрытия”, “выполнения первой операции” и другие документы, в совокупности составлявшие план “С.З-20” (97).

В конце 1940 г. начальник штаба КОВО подготовил план военных действий войск округа в соответствии с общим стратегическим замыслом. Естественно, ближайшей стратегической задачей войск Юго-Западного фронта был “разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооружённых сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от её южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача – во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлении на Кельце, Петроков и на Краков”. Соответственно, Западный фронт имел задачу “ударом левофланговой 4-й армии в направлении Дрогичин, Седлец, Демблин содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника и на 15-й день операции выйти на р. Висла. В дальнейшем наступать на Радом” (98).

Операция Юго-Западного фронта была разбита на три этапа. Первым этапом была “оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы” с задачей “не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развёртывание армий фронта для наступления”, то есть операция прикрытия. Вторым этапом было наступление для выполнения ближайшей задачи фронта на глубину 120–130 км. Причём, предусматривалось “начало наступления с утра 30-го дня мобилизации”, а не “через 30 суток после нападения противника”, как утверждает Ю.А. Горьков, в одной из своих работ цитировавший вышеприведённую фразу (99). Третьим этапом операции было “завершение выполнения ближайшей стратегической задачи фронта” на глубину до 250 км на что отводилось 20 дней. В этом случае главный удар наносился силами 6-й, 12-й, 26-й и Конно-механизированной армий в направлении Катовице-Краковского района. Остальные армии фронта обеспечивали это наступление с фронта Варшава–Лодзь и вдоль границ Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии, где должен был быть создан новый фронт. “При разгроме главных сил противника восточнее р. Висла фронт переходит к преследованию в общем направлении главных сил в район Катовице–Краков. В первом эшелоне фронта подвижные соединения. Стрелковые соединения, усиленные танками и артиллерией, в свою очередь наступают во вторых эшелонах в готовности отразить контрудары и сломить попытки к сопротивлению”.

В плане были подробно расписаны задачи армий фронта. Так, 5-я армия должна была “форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и к исходу 3-го дня выйти на фронт – Михельсдорф, стов. Завадувка, стов. Войсловице, подвижными частями захватить Люблин. В дальнейшем, наступая в общем направлении через Люблин, на 10 день выйти на р. Висла”. 19-й армии следовало “с началом наступления главных сил фронта нанести удар в направлении Томашув, Замостье. Используя успех 5-й и 6-й армий, на 12-й день операции выйти на р. Висла на участке Солец, Завихост”. Войскам 6-й армии предписывалось “ударом на Тарногруд прорвать фронт противника, пропустить в прорыв конно-механизированную армию. К исходу 3-го дня операции овладеть северными выходами из таневских лесов в районе Билгорай и районом Ежеве. Подвижными частями захватить переправу у Сандомир, на 10-й день операции выйти на р. Висла”. 26-й армии следовало “форсировать р. Сан и, нанося удары обоими флангами в общем направлении на Жешув,

к исходу 3-го дня операции овладеть Жешув и рубежом р. Вислок, а подвижными частями захватить переправы через Вислу и Дунаец. В дальнейшем, наступая через Радомысль, на 10-й день операции выйти на фронт Щуцин, Опатовец, Тарнув”. 12-я армия должна была “обеспечить ударную группу фронта с юга со стороны Венгрии и Словакии, для чего, нанося главный удар в направлении Кросно, Ясло, разбить противостоящего противника и на 3-й день выйти в район Кросно, а на 10 день операции выйти на фронт Тарнув, Грыбув”. 18-я и 9-я армии получили задачу прикрывать границу с Венгрией и Румынией и быть в готовности среагировать на вступление Румынии в войну. В частности, 9-я армия должна была “немедленным ударом через Тульча на Меджидив и Констанца занять северную Добруджу и выйти на границу с Болгарией, отрезав Румынию от моря” (100). Как видим, доступные документы как-то не слишком соответствуют версии об оборонительных приготовлениях СССР.

НАПРАВЛЕННОСТЬ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ РККА

Не имея возможности ознакомиться с аналогичными документами 1941 г., следует обратиться к имеющимся материалам, которые показывают направленность подготовки войск Красной Армии. Исследования ряда авторов и материалы “Отчётов по боевой и политической подготовке войск” округов за 1939–1940 гг. свидетельствуют, что войска в целом представляли свои возможные боевые задачи и формы использования в случае войны. Эти документы показывают, что войска приграничных округов отрабатывали как фронтовые, так и армейские наступательные операции, а войска внутренних округов – только армейские операции. Обучение оборонительным боям велось преимущественно на уровне корпусов, дивизий и их частей (101).

Например, согласно приказа командующего войсками КОВО № 07 от 26 января 1940 г. “Задачи боевой и политической подготовки на зимний период 1940 г.” войска на уровне корпусов и дивизий должны были отрабатывать наступательные, встречные и оборонительные (с последующим переходом в наступление) бои. В оперативной подготовке армейского и окружного аппарата были запланированы следующие мероприятия. 9–12 февраля предстояла окружная оперативная игра (армейская) с привлечением командования и штабов 5-й, 6-й, 12-й армий и Кавалерийской группы, корпусов и окружного аппарата. Игра проводилась по особому плану,

поэтому её тема из документа неизвестна. 25–29 февраля – внутриштабная игра КОВО по теме “Работа фронтового управления в период сосредоточения и развёртывания войск фронта”. Оперативная армейская игра на тему “Наступательная операция армии” должна была проводиться в 5-й и 12-й армиях 2-5 марта, а 7–10 марта – в 6-й армии. На 14–17 марта в Кавгруппе планировалась игра на тему “Операция конной армии во взаимодействии со стрелковыми соединениями и авиацией по срыву сосредоточения и развёртывания войск противника в начальный период войны”. 21–22 марта внутриштабная игра штаба КОВО по теме “Работа фронтового управления по подготовке организации и при проведении наступательной операции фронта”. На 7–11 апреля была запланирована окружная оперативная (фронтовая) игра с привлечением командования и штабов 5-й, 6-й, 12-й армий и Кавгруппы, корпусов и окружного аппарата. В штабах армий были запланированы игры на тему “Тыл в наступательной операции” – в 5-й и 12-й армиях 3–6 мая, в 6-й – 8–11 мая, в Кавгруппе – 14–17 мая (102).

23 мая 1940 г. в КОВО была издана директива по оперативной подготовке на летний период № А-1/0067. Войскам предлагалось “на полевых поездках, штабных учениях и учениях с войсками и в период маневров детально отработать следующие вопросы:

а) во фронтовом звене – наступательную фронтовую операцию с прорывом укрепленной полосы и форсированием крупных речных преград. Планирование и обеспечение операции.

б) в армейском звене – наступательную операцию армии, как правило, с прорывом долговременной укрепленной полосы, с форсированием рек и преодолением полос заграждений.

в) в корпусах и дивизиях:

- 1) управление встречным боем;
- 2) наступательный бой с прорывом долговременной укрепленной полосы – форсированием реки и преодолением полосы заграждений;
- 3) оборонительный бой с созданием укреплений, устройством полос заграждения и с последующим переходом в наступление.

В 13-м ск, 96-й и 192-й сд всё отработать в горных условиях.

г) в коннице и танковых войсках:

- 1) встречный бой против конницы, танковых войск и пехоты (кк, кд, тбр, ммд, КМГ);
- 2) действия на фланге в наступательной операции;

- 3) вхождение в прорыв и действия в оперативной глубине;
- 4) оборона на широком фронте с созданием заграждений и укреплений (кк, кд, ммд) и с последующим переходом в наступление.

д) в 204 вдбр – выброска парашютного десанта и высадка крупного авиадесанта и действия в оперативной глубине противника с целью:

- 1) захвата аэродромов противника и уничтожения его авиации;
- 2) дезорганизация управления, связи и тыла и производство диверсий;
- 3) окружение и уничтожение противника во взаимодействии с подвижными войсками и авиацией;
- 4) захвата и удержания мостов, переправ и важных объектов.

При отработке этих вопросов особое внимание обратить на управление войсками в подвижных формах боя, на планирование, организацию и взаимодействие родов войск, наземных войск с авиацией, связь и взаимодействие с соседями.

Учить и воспитывать командиров и штабы разгрому противника по частям, путем его окружения и уничтожения...

Всячески прививать внезапность, скрытность, инициативу и решительность действий и массирование сил и средств (артиллерия, танки, авиация и материальные ресурсы) на главном направлении” (103).

А вот, как в сентябре 1940 г. проигрывалось начало войны в 6-й армии КОВО. “Западные”, переведя армию на военное положение, “упреждают нас в развёртывании, наступление их следует ожидать с утра 12 сентября”. “Восточные” вводят в действие план прикрытия и с вечера 10 сентября проводят “сосредоточение и развёртывание, занятие исходного положения”, с 13 сентября ведут разведку полосы прикрытия противника путем наблюдения с линии границы. С утра 14 сентября 6-я армия переходит в наступление и к 16–17 сентября уничтожает части прикрытия противника, создает условия для ввода в прорыв Конной Армии, во взаимодействии с ней и 5-й (по игре 15-й) армией наносит поражение томашевской группировке врага и выходит на рубеж Замостье–Белгорай–Жешув – река Сан. В период 17–22 сентября войска развивают успех, уничтожают подходящие резервы противника и выходят на реку Висла, “имея прочный заслон на р. Сан”. После двухдневной подготовки

войска должны форсировать Вислу, продолжая наступление на запад (104). Как видим, вновь никаких действий по отражению наступления противника, которое по заданию к игре может начаться за 2 дня до удара 6-й армии, не отрабатывается. Командование довольно оптимистично оценивало боеспособность своих войск, которые должны были за 3 дня развернуться для наступления и за 9 дней разгромить группировку противника в 14–16 дивизий и выйти на р. Висла.

Считается, что в отличие от вермахта, в Красной Армии оперативные планы на оперативных играх не отрабатывались. К сожалению, большая часть документов по оперативной подготовке войск недоступна для исследования. Имеющиеся материалы показывают, что оперативно-стратегические игры января 1941 г. не были единственным эпизодом. Так, 25 января 1941 г. начальник Генштаба генерал армии К.А. Мерецков утвердил “План проведения сборов высшего начальствующего состава в округах и армиях”, согласно которому следовало в Западном, Киевском, Прибалтийском особых, Ленинградском, Архангельском, Закавказском, Забайкальском, Московском военных округах и Дальневосточном фронте провести окружную фронтную игру по теме “Наступательная операция фронта”. В ходе сборов предусматривалось заслушать двухчасовые доклады на тему “Современная фронтная операция”, “Артиллерия во фронтной операции”, “Конно-Механизированная армия во фронтной операции”, “ВВС во фронтной операции”, также планировалась военная игра на картах в течении 5 суток.

В Одесском, Орловском, Приволжском, Уральском, Сибирском, Северо-Кавказском, Средне-Азиатском, Московском, Харьковском, Архангельском, Закавказском, Ленинградском военных округах и в армиях приграничных округов планировалось провести сборы для отработки армейской наступательной операции. В ходе сборов планировался четырёхчасовой доклад на тему “Современная армейская наступательная операция” и военная игра на картах в течение 4 суток. На эти сборы следовало привлечь комсостав штабов и управлений округов и армий, корпусов, дивизий сухопутных войск и ВВС, танковых и мотобригад, артполков и командиров, окончивших Академию Генерального штаба (105).

С 13 по 20 марта 1941 г. Генеральный штаб провел со штабами Ленинградского, Уральского и Орловского военных округов полевые поездки на тему “Наступательная операция зимой”. Согласно приказа командующего КОВО № А/009 от 5 февраля 1941 г.

от командиров 5-й, 6-й, 26-й и 12-й армий, командиров отдельных корпусов требовалось усилить оперативную подготовку комначсостава, до 1 июля 1941 г. отработать наступательную операцию, до 1 ноября – оборонительную. В марте–апреле предстояли учения стрелковых корпусов на тему “Наступательная операция”. 7–10 мая во Львове была запланирована фронтовая наступательная игра под руководством командующего КОВО. 12–17 и 25–30 мая планировались командно-штабные учения армий и корпусов по отработке наступательной операции. Кроме того, был утверждён план подготовки армейских управлений по управлению армейской оборонительной операцией с устройством полевой обороны с предпольем и с последующим переходом в контрнаступление (106).

7 декабря 1940 г. командующий ЛВО отдал приказ о подготовке к учебно-методическому сбору высшего комначсостава в период с 13 по 18 января 1941 г., в ходе которого требовалось отработать исключительно наступательные темы на уровне корпусов, дивизий, танковых бригад, частей ВВС. В марте 1941 г. в ЛВО заместитель наркома обороны генерал армии К.А. Мерецков провел многодневную оперативную игру, на которую привлекались командование и штабы округа и армий. Имеющееся утверждение, что это была оборонительная игра, противоречит вышеприведенным документам. Кроме того, в истории округа указывается, что “поучительно проходили полевые поездки на Карельском перешейке и Кольском полуострове, в ходе которых изучался характер современной наступательной операции и боя в условиях лесисто-болотистой местности в масштабе армии, корпуса и дивизии, отрабатывалось взаимодействие с ВМФ. Для руководящего состава систематически читались лекции с учётом опыта боевых действий в ходе второй мировой войны. Их тематика была такой: характер современной наступательной операции, взаимодействие родов войск, действия крупных группировок механизированных войск, организация и проведение десантных операций” (107). О настроениях комсостава округа свидетельствует следующий факт из воспоминаний бывшего в 1941 г. начальником штаба 14-й армии Л.С. Сквирского. В начале 1941 г. он был вызван в Москву для обсуждения вопроса об участии СССР в торгах по финским никелевым рудникам южнее Петсамо. Узнав цель вызова, автор не удержался от вопроса: “Зачем покупать, если мы вскоре, воюя с Германией и её потенциальным союзником Финляндией, и без того возвратим себе рудники?” (108).

В ПриОВО в феврале 1941 г. в 8-й армии проводилось командно-штабное учение на тему “Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника при равенстве в силах и средствах”. В марте в ходе сбора состава той же армии “отрабатывались вопросы организации прорыва укрепленной полосы, ввода в прорыв механизированного корпуса”. В апреле состоялась полевая поездка на тему “наступательная армейская операция”. Незадолго до начала войны на штабных учениях в 8-й армии отрабатывался “вариант контрудара в тильзитском направлении” (109).

Согласно распоряжения Генштаба от 21 сентября 1940 г. № оп/103070 сс на период с 10 по 17 октября была запланирована фронтовая полевая поездка в ЗапОВО под руководством наркома обороны, которая позднее была перенесена на 15–22 октября в связи с тем, что инспектировавший показательные учения С.К. Тимошенко не успевал прибыть к намеченному сроку. Конечно же, материалы этой поездки засекречены. Но в истории округа говорится, что в ходе учений на картах и местности “проверялись и уточнялись взгляды, выработанные к тому времени советской военной наукой, на характер наступательной операции... Особое значение имела фронтовая штабная военная игра на местности со средствами связи, проходившая в ЗапОВО в конце 1940 г. В этой игре, которой руководили представители Генерального штаба, приняли участие управление округа (в роли фронтового управления), а также управления всех общевойсковых армий” (110).

По свидетельству бывшего начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова, “все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укрепленных позиций”. “Командно-штабные учения и выходы в поле в течение всего зимнего периода и весны 1941 г. проводились исключительно на наступательные темы... В марте-апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава”. В мае 1941 г. уже в войсках 4-й армии проигрывались наступательные действия 28-го стрелкового корпуса армии совместно с Пинской военной флотилией в том же направлении. Участник мартовской игры командир 3-го дальнебомбардировочного корпуса Н.С. Скрипко вспоминал, что на корпус “возлагалась выброска воздушно-десантного корпуса в интересах фронтовой

наступательной операции”, которая должна была проводиться одним рейсом. “По условиям игры мы не решали и бомбардировочных задач, а прикрытие выброски десанта обеспечивалось захватом господства в воздухе” (111).

17 июля 1941 г. в условиях разбирательства по факту поражения войск Западного фронта в начале войны член Военного Совета ЗапОВО корпусной комиссар А. Фоминых подготовил докладную записку на имя начальника Главного политуправления РККА армейского комиссара I ранга Л.З. Мехлиса, в которой стремился обелить работу Военного Совета округа в предвоенное время, указав на ошибки, допущенные Генштабом. Вместе с тем, документ позволяет получить сведения о направленности оперативной подготовки накануне войны. Тем более, что автор сопоставляет подготовку и реально произошедшие события. Как свидетельствует А. Фоминых, “всегда давались задания прорабатывать варианты наступательной операции при явном несоответствии реальных сил. Но откуда-то появлялись дополнительные силы и создавался, по моему, искусственный перевес в пользу нас. Теперь при анализе совершившихся событий стало ясно, что отдельные работники Генерального штаба, зная, что в первый период войны превосходство в реальных силах на стороне Германии, почему-то проводили и разрабатывали главным образом, наступательные операции и только в последнее время (в конце мая 1941 г.) провели одну игру по прикрытию границы, тогда как нужно было на первый период войны, с учётом внезапности нападения, разрабатывать и оборонительные операции” (112). Симптоматично, что автор разграничивает операции по прикрытию и оборонительные действия войск.

М.В. Захаров указывает, что на штабных учениях в ОдВО в начале 1941 г. проверялась возможность “вести активные действия на фокшанско-бухарестском направлении” (113).

РАЗВЁРТЫВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ

Приведенные выше документы военного планирования дают довольно полное представление о ходе выработки взглядов советского руководства на способ вступления Советского Союза в войну с Германией; о том, что советская сторона не собиралась предоставлять противнику инициативу начала боевых действий. Кроме того, не следует забывать, что все эти планы не остались на бумаге, поскольку постепенно набирал темп процесс подготовки их осуществ-

ления. Особенно наглядно это можно проследить на примере документа от 15 мая 1941 г., которым Красная Армия должна была руководствоваться в начале войны. После изложения общих задач фронтов в нём сказано следующее: “Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых **невозможно нанесение внезапного удара по противнику** (подчеркнуто мной – М.М.) как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое отмотилизование войск под видом учебных сборов запаса;
2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;
3. скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развёртывать авиационный тыл;
4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развёртывать тыл и госпитальную базу”. Военное руководство просило “разрешить последовательное проведение скрытого отмотилизования и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного Командования и авиации” (114).

Все предложенные меры стали незамедлительно осуществляться.

По пункту 1. Ещё 8 марта 1941 г. было утверждено Постановление СНК СССР, согласно которому предусматривалось произвести скрытое отмотилизование 903,8 тыс. военнообязанных запаса под видом “больших учебных сборов”. Осуществление этих мер в конце мая – начале июня 1941 г. позволило призвать 805,2 тыс. человек (24% приписного личного состава по плану мобилизации). Это дало возможность усилить 99 стрелковых дивизий в основном западных приграничных округов: 21 дивизия была доведена до 14 тыс. человек; 72 дивизии – до 12 тыс. человек и 6 дивизий – до 11 тыс. человек при штате военного времени в 14.483 человека. Одновременно пополнились личным составом части и соединения других родов войск, и войска получили 26.620 лошадей (115).

По пункту 2. В период с 13 по 22 мая 1941 г. начинается выдвижение к западной границе соединений четырех армий (16-й, 19-й, 21-й и 22-й) и готовится выдвижение ещё трёх армий (20-й, 24-й и 28-й), которые должны были закончить сосредоточение к 10 июля. Эти армии, объединявшие 77 дивизий, составляли второй стратеги-

ческий эшелон. 12–16 июня 1941 г. Генеральный штаб приказал штабам западных округов начать под видом учений и изменения дислокации летних лагерей скрытое выдвигание войск второго эшелона армий прикрытия и резервов западных приграничных военных округов (всего 114 дивизий), которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20–80 км от границы. Это, кстати, опровергает распространённые утверждения о том, что “все приготовления к войне на местах пресекались сверху” (116).

По пункту 3. Сведения о сосредоточении авиации очень скупы. Тем не менее, известно, что на 1 мая 1941 г. в западных военных округах имелось 57 истребительных, 48 бомбардировочных, 7 разведывательных и 5 штурмовых авиационных полков, в которых насчитывалось 6.980 самолетов. К 1 июня прибыло ещё 2 штурмовых авиаполка и число самолетов возросло до 7.009, а к 22 июня в западных округах имелось 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7133 самолета. Кроме того, к 22 июня 1941 г. на Западном ТВД имелось четыре дальнебомбардировочных корпуса и одна дальнебомбардировочная дивизия, в которых насчитывалось 1.339 самолетов. С 10 апреля 1941 г. по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) начался переход на новую систему авиационного тыла, автономную от строевых частей ВВС. Эта система обеспечивала свободу манёвра боевых частей, освобождала их от перебазирования своего тыла вслед за собой, сохраняла постоянную готовность к приёму самолетов и обеспечению их боевой деятельности. Переход на эту систему должен был завершиться к 1 июля 1941 г. (117).

По пункту 4. О развёртывании тыловых и госпитальных частей до 22 июня никаких данных не публиковалось. Накануне войны тыловые части содержались по сокращенным штатам и должны были развёртываться: армейские – на 5–7-е сутки, фронтовые – на 15-е сутки мобилизации. Известно, что 41% стационарных складов и баз Красной Армии находился в западных округах, многие из них располагались в 200-километровой приграничной полосе (118). На этих складах были накоплены значительные запасы. Как указывает А.Г. Хорьков, “окружные склады, имея проектную ёмкость 91.205 вагонов, были загружены на 93.415 вагонов. Кроме того, в округах на открытом воздухе хранилось 14.400 вагонов боеприпасов и 4.370 вагонов материальной части и вооружения” (119). В июне 1941 г. Генштаб предложил перебросить в западные округа ещё свыше 100 тыс. т горючего (120). Всё это, по мнению Г.П. Пастуховского,

было подготовкой “к обеспечению глубоких наступательных операций” (121). Как отмечается в исследовании состояния тыла Красной Армии, “при глубине фронтовой наступательной операции 250 км, темпе наступления 15 км в сутки и своевременном восстановлении железных дорог имелись все возможности обеспечить проведение первой операции запасами, созданными ещё в мирное время в армейском тылу” (122).

Конечно, основным процессом, позволяющим говорить о завершении подготовки к осуществлению плана от 15 мая 1941 г., является стратегическое сосредоточение и развёртывание Красной Армии. Как известно, “последние полгода до начала войны были связаны уже непосредственно со скрытым стратегическим развёртыванием войск, которое должно было составить завершающий этап подготовки” к войне (123). Но именно с апреля 1941 г. начинается полномасштабный процесс сосредоточения на будущем ТВД выделенных для войны с Германией 247 дивизий, составлявших 81,5% наличных сил Красной Армии, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн. человек, около 70 тыс. орудий и минометов, свыше 15 тыс. танков и до 12 тыс. самолетов. Стратегическое развёртывание было обусловлено “стремлением упредить своих противников в развёртывании вооружённых сил для нанесения первых ударов более крупными силами и захвата стратегической инициативы с самого начала военных действий” (124). Понятно, что эти меры проводились в обстановке строжайшей секретности и всеохватывающей дезинформационной кампании в отношении германского руководства, которому, в частности, внушалось, что основные усилия советских войск в случае войны будут направлены на Восточную Пруссию (125).

СРОК ПЕРЕХОДА В НАСТУПЛЕНИЕ

Поскольку стратегическое сосредоточение и развёртывание войск является заключительной стадией подготовки к войне, особый интерес представляет вопрос об определении возможного срока советского нападения на Германию. В отечественной историографии эта тема начала обсуждаться с публикацией скандально известной работы В. Суворова “Ледокол”, который называет “точную” дату запланированного советского нападения на Германию – 6 июля 1941 г., фактически ничем не обоснованную. Мотивировка автора сводится главным образом к тому, что 6 июля 1941 г. было воскресеньем, а Сталин и Жуков якобы любили нападать в воскресенье (126). Но вряд ли можно это принять всерьёз. Не подкрепляет

предположения автора и приводимая цитата из книги “Начальный период войны”, смысл которой им искажён. В этой книге сказано, что “немецко-фашистскому командованию (а не “германским войскам”, как у Суворова – *М.М.*) буквально в последние две недели перед войной (т.е. с 8 по 22 июня, а не “на две недели”, как в “Ледоколе” – *М.М.*) удалось упредить наши войска в завершении развёртывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны” (127). Причём эта цитата Суворовым приводится дважды: один раз правильно, а второй – искажённо (128).

Как отмечалось выше, первоначально нападение на Германию было запланировано на 12 июня 1941 г. Однако, как известно, этого не произошло. Однозначно ответить на вопрос о причинах переноса этого срока в силу состояния источниковой базы не представляется возможным. Можно лишь высказать некоторые предположения на этот счёт. По свидетельству Молотова (129), на советское руководство большое впечатление произвел полёт заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р. Гесса в Англию 10 мая 1941 г. Опасаясь возможного прекращения англо-германской войны, в Кремле сочли необходимым повременить с нападением на Германию. Лишь получив сведения о провале миссии Гесса и убедившись в продолжении англо-германских военных действий на Крите и Ближнем Востоке, в Москве, видимо, решили больше не откладывать осуществление намеченных планов. Как уже отмечалось, 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совершенно секретное совещание военно-политического руководства, на котором, вероятно, и был решен вопрос о новом сроке завершения военных приготовлений. К сожалению, в столь серьёзном вопросе, мы вынуждены ограничиться этой рабочей гипотезой, которую ещё предстоит подтвердить или опровергнуть на основе привлечения новых, пока ещё недоступных документов.

Была ли вообще запланирована точная дата? Только комплексное исследование документов, отражающих как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать окончательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем известные историкам даты проведения этих мероприятий не исключают того, что всё же такая дата определена была. По мнению В.Н. Киселева и В.Д. Данилова, наступление Красной Армии было возможно в июле 1941 г. (130). В доступных документах, отражающих процесс подготовки Красной Армии к войне указывается, что большая часть мер по повышению боеготовности войск западных

приграничных округов должна была быть завершена к 1 июля 1941 г. К этому дню планировалось закончить формирование всех развёртываемых в этих округах частей; вооружить танковые полки мехкорпусов, в которых не хватало танков, противотанковой артиллерией; завершить переход на новую организацию авиационного тыла, автономную от боевых частей; сосредоточить войска округов в приграничных районах; замаскировать аэродромы и боевую технику.

Одновременно, завершалось сосредоточение и развёртывание второго стратегического эшелона Красной Армии. Так, войска 21-й армии заканчивали сосредоточение к 2 июля, 22-й армии – к 3 июля, 20-й армии – к 5 июля, 19-й армии – к 7 июля, 16-й, 24-й и 28-й армий – к 10 июля. Исходя из того факта, что “противник упредил советские войска в развёртывании примерно на 25 суток”, полное сосредоточение и развёртывание Красной Армии на Западном театре военных действий должно было завершиться к 15 июля 1941 г. К 5 июля следовало завершить организацию ложных аэродромов в 500-километровой приграничной полосе. К 15 июля планировалось завершить сооружение объектов ПВО в Киеве и маскировку складов, мастерских и других военных объектов в приграничной полосе, а так же поставить все имеющееся вооружение в построенные сооружения укрепрайонов на новой границе (131). Таким образом, как следует из известных материалов, Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее **15 июля 1941 г.** Вместе с тем, выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, имеющиеся в распоряжении историков документы советского военного планирования 1940–1941 гг. позволяют критически отнестись к традиционной официальной версии об оборонительных намерениях советского руководства. Эти материалы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство занималось подготовкой преимущественно наступательных военных действий против Германии и её союзников. В течение полутора лет советский Генштаб тщательно и всесторонне разрабатывал планы нападения на Германию. Советское военное руководство не располагало сведениями о реальных военных планах Германии, хотя конфигурация советско-германской границы позволила сделать довольно точные предположения относительно направлений возможных ударов вермахта. Однако, как показывают вышеприведенные документы, никаких мер по отражению этих ударов, многие из которых были реально запланированы и проведены в жизнь германским командованием в ходе войны, подготовлено не было. Ныне военные историки вынуждены признать, что “мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не обрабатывалось” (132). Отсутствие связи между возможным ударом врага и действиями Красной Армии опровергает версию о якобы ответном характере наступательных действий советских войск, отработке которых были посвящены военные планы.

Основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развёрнутых на границе войск западных приграничных округов завершит сосредоточение на ТВД сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление, нанося главный удар по Южной Польше. В течение полугода советский Генштаб занимался решением вопроса о наиболее выгодном направлении сосредото-

ния основных усилий войск в войне с Германией. В результате был сделан вывод, что наступление на Юго-Западном направлении позволит решить несколько ключевых стратегических задач и обеспечит наиболее эффективные действия Красной Армии. Первое полугодие 1941 г. было посвящено тщательной отработке этого удара. Соответствующая подготовка велась на уровне военных округов. Как показывают вышеприведённые материалы, войска целеустремленно отработывали наступательные планы, обучались ведению маневренных наступательных действий. К сожалению, оперативные планы округов всё ещё остаются недоступными для исследователей, что не позволяет во всех деталях воссоздать оперативный замысел советского военного руководства. Было бы любопытно ознакомиться, например, с приложением к плану от 15 мая 1941 г. под названием “План намечаемых боевых действий на случай войны с Германией”, которое всё ещё секретно.

Основное внимание исследователей привлек документ от 15 мая 1941 г., в котором довольно откровенно изложен советский наступательный замысел. Естественно, сторонники официальной версии сделали всё, чтобы доказать, что этот план не был утвержден политическим руководством СССР, а являлся лишь рабочим документом Генштаба. Однако, эта точка зрения была опровергнута, и теперь следует исходить из факта, что именно этот документ являлся итоговым оперативным планом советского Генштаба, к его осуществлению готовилась Красная Армия в мае–июне 1941 г., когда подготовка советского нападения на Германию вступила в заключительную стадию. Так же, как и Германия, советская “сторона, исходя из содержания своих планов, стремилась в короткие сроки достичь ближайших стратегических целей войны наступлением развернутых к определённому сроку ударных группировок. Это и должно было явиться основным содержанием начального периода войны” (133).

Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение о последовательности завершающих приготовлений советских войск к войне. Скорее всего, 1 июля 1941 г. войска западных округов получили бы приказ ввести в действие планы прикрытия, а завершение к 15 июля развёртывания намеченной группировки Красной Армии на Западном ТВД позволило бы СССР в любой момент после этой даты начать боевые действия против Германии. Невозможность полного сохранения в тайне советских военных приготовлений не позволяла надолго откладывать удар по Германии,

иначе о них узнала бы германская сторона. Поэтому завершение сосредоточения и развёртывания Красной Армии на западной границе СССР должно было послужить сигналом к немедленному нападению на Германию. Только в этом случае удалось бы сохранить эти приготовления в тайне и захватить противника врасплох.

Конечно, не следует рассматривать боевые действия советских войск в случае нанесения внезапного удара по Германии как “прогулку до Берлина”. Безусловно, это была бы тяжёлая, кровопролитная борьба с серьёзным противником, но нападение Красной Армии привело бы к срыву германского вторжения в СССР и облегчило бы победу в войне, сохранив нашей стране миллионы жизней и значительные материальные ценности. Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. К сожалению, осуществить эти намерения не удалось и это, вероятно, “является одним из основных исторических просчётов Сталина” (134). В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана “Барбаросса”, что в условиях неготовности Красной Армии к обороне привело к трагедии 1941 года.

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос, не было ли германское нападение на СССР в таком случае превентивной войной, как об этом заявляла германская пропаганда. Поскольку превентивная война – это “военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путём собственного наступления”, она возможна только в случае, если предпринимающая такие действия сторона знает о намерениях противника. Поскольку ни Германия, ни СССР не рассчитывали на наступление противника летом 1941 г., значит и тезис о “превентивных” действиях не применим ни к кому из них. В этом случае версия о “превентивной войне” вообще не имеет ничего общего с исторической наукой, а является чисто пропагандистским тезисом для оправдания германской агрессии. В результате того, что стороны в своих расчётах исходили из разных сроков начала войны, германское командование в силу случайного стечения обстоятельств упредило советские войска в завершении развёртывания и тем самым создало благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны.

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную

стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был её инициатором. Как ныне известно, обе стороны в своих расчётах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе. Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. и первые неудачи на фронте оказали на советское руководство ошеломляющее воздействие. Наиболее образно эту ситуацию изложил в своих воспоминаниях тогдашний нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, отметив, что “государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв” (135).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Донгаров А.Г.* Между Рейном и Волгой //Родина. 1991. № 5. С.39.
2. *Петров Б.Н.* О стратегическом развёртывании Красной Армии накануне войны //Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.10-17; *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны //Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.14-19.
3. *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? – М., 1992; *Суворов В.* День-М: Когда началась Вторая мировая война? – М.,1994; *Суворов В.* Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну?. – М., 1995.
4. См. напр.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. – М., 1995; Другая война 1939–1945 гг. Сборник статей. Под ред. Бордюгова Г.А.; сост. Невежин В.А. – М.,1996.
5. *Мельтохов М.И.* Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии //Отечественная история. 1994. № 3. С.18-20; *Мельтохов М.И.* Книга В.Суворова “Ледокол” и современная отечественная историография //Советская историография. – М.,1996. С.490, 494-495, 506-507; *Пиетров-Энкер Б.* Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? //Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М., 1996. С.452-475.
6. *Полканов В.Д.* “Ледокол” исследовательской нерешливости и отсебятины. – Омск. 1996. С.32-41; *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы //Вопросы истории. 1996. № 9. С.147.
- 6а. Новая и новейшая история. 1998. № 6. С.201-207.
7. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф.4. Оп.14. Д.2768. Л.64-65.
8. РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.4252. Л.12, 167-168.
9. *Мельтохов М.И.* Советская разведка и проблема внезапного нападения //Отечественная история. 1998. № 3. С.3-20.
10. *Мельтохов М.И.* Идеологические документы мая–июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны //Отечественная история. 1995. № 2. С.70-85; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных

боев”, 1939–1941 гг. – М., 1997.

11. *Волгогонов Д.А.* Эту версию уже опровергла история //Известия. 1993. 16 января; *Орлов А.С.* Так кто же начал войну? //Армия. 1993. № 8. С.18.

12. *Молодяков В.Э.* Начало второй мировой войны: некоторые геополитические аспекты //Отечественная история. 1997. № 5. С.132-133.

13. *Горьков Ю.А.* Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году //Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.34.

14. *Перечнев Ю.Г.* О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии //Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С.46-47; *Кириян М.М.* Начальный период Великой Отечественной войны //Военно-исторический журнал. 1988. № 6. С.12-13; *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. – М., 1989. С.80-86; *Сандалов Л.М.* Первые дни войны: боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 года. – М., 1989. С.22-37; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. – М., 1989. С.213-225; *Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. – М., 1989. Кн. 2. Ч.1. С.132-136; *Хорьков А.Г.* Грозовой июнь: трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. – М., 1991. С.85-130; *Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Накануне 22 июня 1941 г. //Новая и новейшая история. 1991. № 3. С.12-15. *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С.29-39; *Маковский В.Б.* Прикрытие госграницы накануне войны //Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С.51-58; *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. – М., 1995. С.59-62; *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии 1941 года. – М., 1997. С.157-161.

15. *Волгогонов Д.А.* Указ. соч. С.133; *Захаров М.В.* Указ. соч. С.213.

16. 1941 год – уроки и выводы. – М., 1992. С.51-52.

17. Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.17-20; Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.7-29; Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.18-22; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.40-45; 1941 год. Документы. В 2-х кн. – М., 1998. Кн.1. С.181-193, 236-253, 741-746, Кн.2. С.215-220.

18. *Василевский А.М.* Накануне войны //Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.6.

19. 1941 год – уроки и выводы. С.52; *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. – Тверь, 1995. С.56-57.

20. 1941 год. Документы. Кн.1. С.288-290.

21. 1941 год – уроки и выводы. С.56.

22. *Захаров М.В.* Указ. соч. С.239-250; *Бобылев П.Н.* Репетиция катастрофы //Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С.14-21; № 8. С.28-35; Русский архив: Великая Отечественная. Т.12(1). – М., 1993. С.388-390; *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? //Отечественная история. 1995. № 5. С.3-20; Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.9; *Прозьтор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. – М., 1989. С.308.

23. 1941 год – уроки и выводы. С.57; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.34-35.

24. *Петров Б.Н.* Указ. соч. С.12.

25. *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С.61.

26. Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.9.

27. *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С.61.

28. *Волгогонов Д.А.* Эту версию уже опровергла история; *Орлов А.С.* Указ. соч. С.18.

29. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.38.

30. Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.8.
31. "...Разговор закончился угрозой Сталина". Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае–июне 1965 года //Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С.41.
32. *Светлицын Н.А.* Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. – Хабаровск, 1992. С.57-58.
33. РГВА. Ф.4. Оп.15а. Д.2. Л.40-44об.
34. "Современная армия – армия наступательная". Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Май 1941 г. //Исторический архив. 1995. № 2. С.23-31; 1941 год. Документы. Кн.2. С.158-162.
35. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.37.
36. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2-х т. – М., 1973. Т.2. С.128; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. – М., 1997. С.404.
37. *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С.210.
38. *Киселев В.Н.* Указ. соч. С.14-15; *Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность //Другая война. 1939–1945 гг. С.144-146; Отечественная история. 1995. № 5. С.16.
39. *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С.109.
40. Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.2.
41. Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.4; 1941 год – уроки и выводы. С.58-59, 214-215; *Захаров М.В.* Указ. соч. С.268-270; 1941 год. Документы. Кн.2. С.358-361.
42. Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.17-18; Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.24-25; № 2. С.18-19; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.40-41; 1941 год. Документы. Кн.1. С.181-182, 237-238, 742, Кн.2. С.215-216.
43. Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.18; Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.25; № 2. С.20; 1941 год. Документы. Кн.1. С.182, 238, 743.
44. Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.18-19; 1941 год. Документы. Кн.1. С.182-183.
45. Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.25-26; № 2. С.20-21; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.40-41; 1941 год. Документы. Кн.1. С.238-239, 743-744, Кн.2. С.216.
46. Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.7.
47. Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.19; Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.27; № 2. С.22; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.41; 1941 год – уроки и выводы. С.214-215; 1941 год. Документы. Кн.1. С.185, 241, 745, Кн.2. С.217, 359-360.
48. Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.28-29; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.42-44; 1941 год – уроки и выводы. С.212-215; 1941 год. Документы. Кн.1. С.185-189, 242-250, Кн.2. С.218-219, 359.
49. *Гареев М.А.* Правду о войне нельзя брать или отдавать. Её надо вместе искать //Красная Звезда. 27 июля 1991.
50. *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). – М., 1995. С.125-126.
51. Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.20; 1941 год. Документы. Кн.1. С.185-187.
52. Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С.27-28; 1941 год. Документы. Кн.1. С.241-249; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.33.
53. 1941 год. Документы. Кн.1. С.189-190, 249-250.
54. Там же. С.247.
55. *Савушкин Р.А.* Развитие советского военного искусства в период между гражданской и Великой Отечественной войнами. – М., 1980. С.24, 32.

56. *Савушкин Р.А.* Развитие советских вооружённых сил и военного искусства в межвоенный период (1921–1941 гг.). – М., 1989. С.59.
57. Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.22.
58. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.35.
59. *Городецкий Г.* Миф “Ледокола”: накануне войны. Пер. с англ. – М., 1995. С.284.
60. *Гареев М.А.* Указ. соч. С.93.
61. 1941 год. Документы. Кн.1. С.741-746.
62. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.41; 1941 год. Документы. Кн.1. С.216.
63. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн.1. Суровые испытания. – М., 1998. С.108.
64. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.41-43; 1941 год. Документы. Кн.1. С.216-218.
65. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф.71. Оп.25. Д.12090. Л.1-9.
66. РЦХИДНИ. Ф.71. Оп.25. Д.12089. Л.1-4.
67. Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. – М., 1959–1962. Т.1. С.88, Т.2. С.14, Т.3. С.15; Морской сборник. 1995. № 2. С.3-4.
68. Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т.3. С.28; Краснознаменный Северо-Кавказский. Очерк истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. – Ростов-на-Дону, 1971. С.146; Краснознаменный Закавказский. Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. – М., 1969. С.149.
69. Начальный период войны. – М., 1974. С.70.
70. 1941 год – уроки и выводы. С.69-79, 178-179; 1941 год. Документы. Кн.1. С.607-650.
71. Военно-исторический журнал. 1963. № 10. С.31.
72. Русский архив. Великая Отечественная. Т.12(1). С.153-154.
73. 1941 год – уроки и выводы. С.59, прим.2; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.87, прим.1; Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.5; № 3. С.5; № 4. С.2; № 5. С.3; № 6. С.2.
74. Новая и новейшая история. 1997. № 5. С.113.
75. 1941 год – уроки и выводы. С.56.
76. Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С.52.
77. Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.4.
78. Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.14-15; № 3. С.11-12; № 4. С.8-10; № 5. С.12, № 6. С.7.
79. Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.9-13; № 3. С.7-9; № 4. С.3-8; № 5. С.5-9; № 6. С.4-7.
80. 1941 год – уроки и выводы. С.56.
81. *Анфилов В.А.* Провал “блицкрига”. – М., 1974. С.196; *Петров Б.Н.* Указ. соч. С.12-13; *Семидетко В.А.* Истоки поражения в Белоруссии //Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С.30.
82. *Гареев М.А.* Указ. соч. С.128.
83. Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.8, 13; № 3. С.15; № 4. С.3; № 5. С.12.
84. Там же. № 2. С.13.
85. *Гареев М.А.* М.В. Фрунзе – военный теоретик. – М., 1985. С.323.
86. Там же. С.231.

87. *Маковский В.Б.* Указ. соч. С.55; Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С.68-69.
88. *Гареев М.А.* Указ. соч. С.230; *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. С.119-120.
89. *Маковский В.Б.* Указ. соч. С.55; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.93.
90. 1941 год – уроки и выводы. С.60-61.
91. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.44; 1941 год – уроки и выводы. С.61, 179; 1941 год. Документы. Кн.2. С.219.
92. Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С.6; № 4. С.3; № 6. С.4; 1941 год. Документы. Кн.2. С.228, 234, 240, 284.
93. 1941 год. Документы. Кн.2. С.133-139; Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.12.
94. Новая и новейшая история. 1993. № 6. С.9.
95. 1941 год. Документы. Кн.1. С.253-260, 484-497.
96. Там же. С.255.
97. Там же. С.418-423.
98. 1941 год. Документы. Кн.1. С.492.
99. Новая и новейшая история. 1997. № 5. С.109; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.33.
100. 1941 год. Документы. Кн.1. С.484-497.
101. РГВА. Ф.4. Оп.14. Д.2359. Л.7-8; Д.2355. Л.19-21; Д.2358. Л.11; Д.2359. Л.10-11; Д.2362. Л.14-18; Д.2367. Л.23-27; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.54-55, 58-59, 60-62, 63, 65, 66, 74; *Кожевников М.Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. – М., 1985. С.26-31.
102. РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.354. Л.154-161 об.
103. РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.4. Л.622-630.
104. РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.53. Л.4-5, 29-32.
105. РЦХИДНИ. Ф.71. Оп.25. Д.4395. Л.1.
106. РГВА. Ф.25880. Оп.4. Д.450, Л.51-79, 83.
107. РГВА. Ф.25888. Оп.15. Д.524. Л.62-67; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. – М., 1988. С.149-150.
108. Вопросы истории. 1989. № 9. С.66.
109. *Гладыш С.А., Милованов В.И.* Восьмая общевойсковая. – М., 1994. С.6-7; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Кн.1. – Рига, 1966. С.66-67.
110. РГВА. Ф.31983. Оп.2. Д.358. Л.139-140, 143, 212; Краснознаменный Белорусский военный округ. – Минск, 1973. С.139.
111. *Сандалов Л.М.* Указ. соч. С.39-41; *Скрипка Н.С.* По целям ближним и дальним. – М., 1981. С.41.
112. РГВА. Ф.9. Оп.39. Д.105. Л.62.
113. *Захаров М.В.* Указ. соч. С.269.
114. Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.42-43, 44; 1941 год. Документы. Кн.2. С.219, 220.
115. *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С.70-71; 1941 год – уроки и выводы. С.82; *Владимирский А.В.* На киевском направлении. – М., 1989. С.50; Боевой и численный состав Вооружённых Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1. (22 июня 1941 г.) – М., 1994. С.10-12.
116. *Петров Б.Н.* Указ. соч. С.12-13; *Семидетко В.А.* Указ. соч. С.31; *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. С.96-97; *Владимирский А.В.* Указ. соч.

- С.50-52; *Волгогонов Д.А.* Указ. соч. С.125-128; 1941 год – уроки и выводы. С.83-86; *Филиппов А.* О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 года //Военный вестник АПН. 1992. № 9. С.4; *Киселев В.Н.* Указ. соч. С.14-15; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.36.
117. 1941 год – уроки и выводы. С.198-199; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.32-33.
118. 1941 год – уроки и выводы. С.42-43; *Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Указ. соч. С.12; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.49.
119. *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.50.
120. Тыл Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне. – М., 1977. С.60.
121. *Пастуховский Г.П.* Развёртывание оперативного тыла в начальный период войны //Военно-исторический журнал. 1988. № 6. С.19.
122. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Л., 1963. Ч.1. С.15.
123. Начальный период войны. С.70-71.
124. *Азяский Н.Ф.* О стратегическом развёртывании вооружённых сил Германии и Советского Союза в 1941 году //Военная мысль. 1990. № 8. С.17.
125. *Вишнев О.В.* Была ли в СССР оппозиция “германской политике” Сталина накануне 22 июня 1941 г. //Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С.242-253.
126. *Суворов В.* Ледокол. С.333.
127. Начальный период войны. С.212.
128. *Суворов В.* Указ. соч. С.317, 333.
129. *Стаднюк И.С.* Нечто о сталинизме //О них ходили легенды. – М., 1994. С.423-424.
130. *Киселев В.Н.* Указ. соч. С.16; *Данилов В.Д.* Указ. соч. С.148.
131. 1941 год – уроки и выводы. С.81-85, 111; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.25, 33, 47, 168, 173-174; *Киселев В.Н.* Указ. соч. С.15; Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.43; *Медведев Н.Е.* Артиллерия РВГК в первом периоде войны //Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С.81; *Захаров М.В.* Указ. соч. С.259-261; Начальный период войны. С.211; *Анфилов В.А.* Провал “блицкрига”. С.188.
132. 1941 год – уроки и выводы. С.98.
133. Там же. С.58.
134. *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. //Вопросы истории. 1995. № 7. С.38.
135. *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты: из записок адмирала. – М., 1995. С.45-46.

ЛР № 030620 от 11.11.1994
Подписано в печать с оригинал-макета 14.04.99
Формат 60×80 1/16. Бумага офс. Усл. печ. л. 4,25.
Тираж 300 экз.

АИРО-ХХ
E-mail: Airo@glasnet.ru